

ОСТАП СТУЖЕВ

ШПИОН

ДВУХ

ИМПЕРАТОРОВ

Остап Стужев

Шпион двух императоров

Издательство «Омега-Л»

2026

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

Стужев О. И.

Шпион двух императоров / О. И. Стужев — Издательство
«Омега-Л», 2026

ISBN 978-5-370-05754-0

Маньчжурия, 1904 год. Ротмистр Сергеев, педант и профессионал, ведет смертельно опасную игру в сердце прифронтового города. Его противники – хитрые японцы, ненадежные китайские агенты и провокаторы, плетущие заговор в самом сердце Российской империи. Единственный, кому он может доверять, – таинственный лазутчик Ю, чье прошлое окутано мраком, а мотивы непонятны. Но кто он – ключ к спасению русской армии или гениальная ловушка японской контрразведки? От жарких улиц Маньчжурии до кабинетов Петербурга, где зреет революция, – это роман о долге и предательстве, о любви, рожденной в огне, и о войне, где главное сражение происходит в тени и где одного неверного шага достаточно, чтобы империя рухнула.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

ISBN 978-5-370-05754-0

© Стужев О. И., 2026
© Издательство «Омега-Л», 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

60

Остап Стужев

Шпион двух императоров

© Стужев О., 2026

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2026

До отправки скорого поезда Москва-Владивосток оставалось десять минут. В столицу пришли первые заморозки, и ветер заставлял меня отворачиваться от выхода на вокзальный перрон и щуриться. Человек, которого я пристально высматривал, опаздывал. Просьба провожающих покинуть вагон повторилась уже трижды. Мельком взглянув на часы и в который раз услышав из динамика своего смартфона сообщение о недоступности абонента, я пригнулся шагнуть в теплый тамбур. «Проходим, проходим!» – проворчала проводница. Но, услышав знакомый голос, выкрикивающий мое имя, я немедленно выскочил обратно. «Остап, извини, я куда-то посеял мобильник и еле нашел твой поезд!» – выпалил подбежавший к вагону мужчина. Короткое пальто песчаного цвета было растянуто, и шарф, обычно аккуратно закрывавший шею и грудь моего старого знакомого, грозился вот-вот свалиться.

Я еле успел взять протянутый мне довольно внушительных размеров пакет. Вагоны вздрогнули, издав металлический лязг натянувшимися сцепками, и я запрыгнул обратно в тамбур. Мне даже не удалось помахать ему на прощание: проводница, решительно оттеснив меня в сторону, четким движением захлопнула дверь. Я поспешил в свое купе. На часах была половина третьего ночи. Задержув белую шторку, я невольно позавидовал себе: купе было полностью в моем распоряжении, и я мог немедленно завалиться спать.

Состав медленно полз в сторону московских окраин. Неделию назад Владимир Арнольдovich, узнав, что я отправляюсь в командировку на Дальний Восток, попросил меня передать одному своему коллеге альбом со старыми фотографиями, сказав лишь, что оказался этот альбом у него в руках много лет назад, когда его семья жила в тех краях. Охотно согласившись оказать своему другу незамысловатую услугу, я почти сразу забыл о нашей договоренности. Вспомнилось обещание только накануне моего отъезда, когда он позвонил и спросил, где мне будет удобнее забрать посылку. Время для меня несло против часовой стрелки, и единственное, что я мог ему предложить, это привезти альбом к двум часам ночи на Ярославский вокзал...

В купе я оказался перед выбором: завалиться спать, немного поработать над текстом незаконченной рукописи или, уступив любопытству, посмотреть переданный мне фотоальбом. Недолго думая, я выбрал третий вариант. Достав из двойного пластикового пакета бережно завернутую в материю картонную коробку, я развязал тесемки. Внутри лежали листы с черно-белыми фотографиями и надписью: «Русско-японская война, 1904–1905 год. С. М. Прокудин-Горский». Все фотокарточки шли строго по порядку согласно оглавлению. Несмотря на бумагу, сильно пострадавшую от времени и не самого правильного хранения, листы альбома были аккуратно выровнены. Первые таблицы с фотографиями, те, которые шли сразу за пожелтевшими листами оглавления, невольно завораживали своей простотой и вместе с тем предчувствием трагической судьбы, ожидавшей запечатленных на них людей.

Таблица за номером 23: «Смотр 140 Зарайского полка 7 мая 1904 года». Война уже идет. Значит, есть потери. Убитые, раненые, искалеченные. Все, стоящие в строю на этом смотре, понимают, зачем они там. Китайские лазутчики, медсестры из отделений Красного креста европейской части Российской империи. После сражения под Мукденом они останутся с ранеными солдатами в японском плену.

Стрелки часов показывали четыре утра. Время брало свое, я сложил таблицы обратно в коробку и задремал. Меня разбудил звонок телефона. Владимир Арнольдович интересовался, посмотрел ли я альбом. «Я рассчитывал дать тебе все пояснения перед твоим отъездом,

но злосчастная неприятность с потерей телефона смешала все карты! Человек, которому надо передать посылку, как и я, из семьи военных. В детстве мы дружили, но потом наши дороги разошлись. С тех пор, как я уехал в Москву, мы надолго потеряли связь. Он нашел меня в ВКонтакте совершенно неожиданно, люди нашего поколения редко используют эту социальную сеть, и мы стали иногда переписываться. Однажды я написал ему, что один из моих друзей пишет книги и, кстати, рекомендовал ему их почитать. Он сказал, что у него есть какие-то очень ценные рукописи и он готов обменять их на альбом Прокудина-Горского. Так что я решил сделать тебе небольшой подарок».

Все последующие дни путешествия я перекладывал пожелтевшие страницы фотоальбома, всматриваясь в лица давно ушедших людей. Некоторые из них имели имена, фамилии, титулы и чины. Великие князья, генералы и другие вельможные особы, персоны, чьи приказы и распоряжения существенно влияли на ход событий. Согласно датам на фотографиях, многое из того, что им предстояло пережить, еще было скрыто. Групповые фото с нижними чинами и простолюдинами оставляли своих героев безымянными. Монотонный стук колес, словно метроном гипнотизера, сближал меня с ними. Многих персонажей, благодаря весьма кропотливому изучению темы, я знал в лицо. Великие князья Кирилл Владимирович и Борис Владимирович. Военачальники Алексей Николаевич Куропаткин, Николай Петрович Линевич, начальник полевого штаба наместника на Дальнем Востоке Яков Григорьевич Жилинский, сам наместник Евгений Иванович Алексеев.

Подолгу всматривался я в фотографию начальника китайского отряда Мадритова. Рядом с ним находились его ординарцы-телохранители и переводчики-китайцы в национальных одеждах, очень похожих на телогрейки. В надежде найти портрет Ухач-Огоровича я перекладывал таблицы с места на место. Начальник разведки первой Маньчжурской армии старался оставаться незаметным. Судя по многочисленным любовным романам, секретность не сильно заботила Николая Александровича. Или все было совсем не так? Могли ли обласканные им и поднятые из каторжного небытия Мераб Иоселиани и Яков Персиц оговорить его в угоду начальнику Петербургской полиции Филиппову? Ведь в отличие от самого Ухач-Огоровича, писавшего книги и занимавшегося патриотическим воспитанием молодежи, они так и остались уголовниками...

Встретивший меня человек, скромно представившийся товарищем Владимира Арнольдovichа, высокий и худощавый, выхватил предназначенную ему посылку у меня из рук и начал проверять ее содержимое. «Вот то, что Винокуров просил вам передать, – торопливо проговорил странный человек, доставая из холщового баула картонную папку. – Судя по размеру, вы находитесь в явном выигрыше, – принимая из его костистых лап бумаги, я попробовал сгладить шуткой неприятное ощущение от встречи. – Вам решать». Мы коротко попрощались, и я невольно признался себе, что, скорее, рад отсутствию всякого интереса к моей персоне. Работы предстояло много, и отвлекаться на новые знакомства мне совсем не хотелось.

Город утонул в густом тумане, и дорога до гостиницы показалась мне бесконечно долгой. Позже я узнал, что такие туманы здесь отнюдь не редкость и обусловлены они встречей противоположных течений севера и юга. Устроившись, я сделал несколько звонков тем, кто мог обеспечить мне доступ к архивам. Договорившись о деловых встречах и имея в запасе немного времени, я раскрыл переданную мне папку.

Это была обычная канцелярская папка из коричневого тонкого и плотного картона. На титуле красовалась надпись:

«ДЕЛО №...». Ни самого номера, ни названия не было, из чего я сделал вывод, что лежащие внутри бумаги не являются официальными. Разочарование ожидало меня и после того, как я увидел ее содержимое. Это были пожелтевшие листы разного формата, почти все исписанные корявым почерком, без заглавных букв и знаков препинания. Большая часть записок содержала иероглифы. Поняв, что на разбор содержимого могут уйти месяцы, а то и годы, я

затянул тесемки и отодвинул папку подальше, решив по приезду в Москву отдать ее ученому. В конце концов, инициатором этого обмена являлся именно он.

Проработав с историческими материалами больше месяца, я вернулся в Москву. Папка продолжала лежать в моем саквояже бесполезным балластом, мешавшим моему успеху в поисках новых материалов об интересующем меня периоде Российской истории. Я предложил ученому встретиться в одном из московских ресторанов. Втайне обожавший имперский стиль столицы, он выбрал ресторан в Охотном ряду. Устроившись за столиком, я выжидал момент, чтобы вежливо избавиться от мучившего меня артефакта. Наконец, Владимир Арнольдович взял папку, отодвинулся от стола и, раскрыв ее, положив себе на колени. «Ты смог идентифицировать автора? – Нет, даже не пытался. – Это и неудивительно, здесь мало что можно разобрать с первого взгляда. Это один из диалектов, использовавшийся в те годы в северной Маньчжурии. Упоминается великий князь Кирилл Владимирович, и довольно подробно перечислены присутствовавшие при поднятии Андреевского флага на вершине Золотой горы 16 марта 1998 года. Придется немало повозиться с материалом, но игра стоит свеч!» После нескольких глотков отменного французского вина настроение мое значительно улучшилось, и я пообещал заняться изучением той части материала, что была написана кириллицей. В свою очередь, ученый взял на себя обязательство помочь с поиском свободного переводчика с севернокитайского диалекта.

По прошествии двух с половиной лет у меня на столе лежала толстая стопка бумаги с полностью систематизированными записями. Они были сделаны одним из самых опасных китайских лазутчиков-диверсантов, фанатиком национально-освободительного движения ихитуаней¹ по имени Ю. Чудом уцелевший после разгрома восстания боксеров, подавленного при помощи оружия восьми иностранных держав, Ю, оправившись от ран, служил одновременно русской и японской разведкам. Обе они считали его корыстным негодяем, готовым предавать и убивать ради звонкой монеты. На самом же деле Ю служил, как мог, только своей родине и своему народу, который лишь полвека спустя после Второй мировой войны в полной мере мог считать себя избавленным от японцев.

Публиковать эти записки в их оригинальной форме показалось мне делом хотя и полезным, но скучноватым. В силу этих соображений, да простит меня самый взыскательный читатель, я, стараясь придерживаться фактов, позволил себе передать указанные события в художественной форме.

* * *

....Тем, кто ни в чем не повинен, благоразумие не во вред, но явные бесчинства могут найти опору лишь в дерзости².

Удушливая жара не спала даже к наступлению сумерек в пыльном, заполненном военными Ляояне. Несмотря на секретность миссии, ротмистр Сергеев не считал необходимым сменить офицерский мундир на штатский костюм. Возможно, это действительно не имело большого смысла – его европейская внешность выдавала в нем иностранца. Население Маньчжурии после десятков лет бед и унижений, принесенных в их жизнь коварным и жестоким соседом с японских островов, относилось ко всему с унылым безразличием. Внешняя покорность порой не скрывала за собой ничего, кроме желания выжить: люди услужливо подставляли спины в

---

¹ Ихитуань (ихэтуань) – член антиевропейского, антиимпериалистического и антихристианского восстания ихитуаней (буквально: «отрядов гармонии и справедливости») в Северном Китае с 1899 по 1901 годы.

² Публий Корнелий Тацит. Анналы, книга одиннадцатая. Ленинград: «Наука», 1969.

изодранных ватниках под чужеземное ярмо. Тем не менее все меры предосторожности принимались ротмистром Сергеевым по строго установленным правилам полевой разведки.

Двигаясь согласно понятному только ему маршруту по нечистым переулкам Ляояня, ротмистр останавливался в самых сомнительных заведениях. Занимая место, с которого через грязные оконца можно было наблюдать за проходящими людьми, он заказывал себе выпивку. Просидев так минут десять-пятнадцать, он незаметным движением подзывал фувуюаня. Последний подходил к ротмистру так расторопно, как только позволяли возраст и здоровье. По всему было ясно, что русскому офицеру требовалось сполоснуть руки и справить малую нужду. Услужливый фувуюань понимающе кивал и провожал его к уборной с потайной дверью, как правило скрытой свисавшей с потолка тканью. Вернувшись к опустевшему столу, слуга незаметно сливал нетронутую выпивку обратно в бутылку.

Запах опиума за таинственной дверью без слов рассказывал о скрытых за ней пороках. Однако ротмистр Сергеев проходил мимо наркоманов, не обращая на них никакого внимания. Целью его всегда была еще одна комнатуха, скрытая в лабиринтах подпольной курильни.

Такой способ встречи со своими шпионами и лазутчиками офицер разведки стал использовать сравнительно недавно. Главной целью его собственных перемещений по Ляояню была необходимость изолировать своих конфиденентов, в первую очередь, от контактов между собой. В первые дни войны, всего несколько месяцев тому назад, ротмистр Сергеев, стараясь получить как можно больше сообщений, встречался с агентурой на выделенной ему командованием конспиративной квартире. Конечно, он старался развести встречи с курьерами из интересующих его районов дислокации японских отрядов. Однако ушлые азиаты быстро нашли способ завязать знакомство между собой и стали договариваться, заранее стараясь избегать нестыковок в передаваемых ими отчетах. Такой обмен опытом стоил некоторым из них жизни. Полковник Нечволдов после рапорта ротмистра распорядился повесить всех, кто, пытаясь обмануть его канцелярию, принес недостоверные сведения, повлекшие гибель русских солдат. Строгость наказания не принесла особого результата. В надежде урвать хоть немного денег, китайцы соглашались на любой риск, но после получения аванса идти в распоряжение японских войск совсем не хотелось. Многие предпочитали, отсидевшись в укроном местечке, принести вместо точных данных нелепые слухи. Массовый набор шпионов не оправдывал себя даже для отвлечения внимания японской контрразведки. Те, кто вообще не собирался возвращаться, получив деньги и пропуская через кордоны русских войск, просто исчезали на гигантских просторах северного Китая.

В этот летний вечер гостями ротмистра были разные персонажи. Беседуя с ними на задворках опиумных курилен, Сергеев не раз замечал торопливость их докладов. Зная, куда они спешат, он не мог больше им доверять. Рассчитываясь с услужливыми фувуюанями, Сергеев оставлял щедрые чаевые и что-то негромко шептал им на ухо, когда те в знак благодарности склоняли голову. Писать рапорты начальству и тратить казенные деньги на веревку он считал расточительностью. Смерть от опиумного опьянения порой и вправду выглядела куда гуманнее.

Выйдя на улицу после очередного контакта, ротмистр поправил китель и, не раздумывая, ступил на некое подобие мостовой, поверхность которой была до крайности изрыта копытами мулов и лошадей, являвшихся основной тягой гужевого транспорта. Черные сапоги, тщательно протертые им столовой салфеткой, мгновенно покрылись слоем истолченной глины, смешанной с высушенным июльским солнцем конским навозом. Несмотря на опустившиеся сумерки, жара не спадала, и Сергеев пожалел, что использовал салфетку для чистки сапог вместо того, чтобы приберечь ее в качестве полотенца для вытирания пота, ручейками стекавшего по его тщательно выбритому лицу. Ротмистр Сергеев был в определенном роде педант, и никакие тяготы полевой жизни не могли помешать его ежедневному туалету. Особой гордостью Сергеева были аккуратно подстриженные усики темно-пшеничного цвета. За время службы на Кав-

казе сразу после окончания Варшавского пехотного училища и получения офицерского звания ему удалось обзавестись редкой саблей, острота которой позволяла молодому офицеру не заботиться о наличии у него других бритвенных приборов.

Остановившись недалеко от уличного фонаря, светившего тусклым желтым светом, Сергеев достал из бокового кармана кителя карманные часы и, рассчитав, что до следующего рандеву у него остается более сорока пяти минут, немного попетлял по городу. Периодически он заглядывал в лавки торговцев всяким барахлом, иногда оставался там по несколько минут, иногда быстро разворачивался и выходил. Убедившись в отсутствии наблюдения за собой, неважно, европейцев или азиатов, ротмистр направился к условленному месту.

Человек, к встрече с которым ротмистр готовился с такой тщательностью, действительно выделялся на фоне остальных агентов прифронтовой разведки. Как участник восстания китайских боксеров, он должен был быть или убит в бою, или казнен после их полного разгрома. Прошлого его было покрыто туманом. Никто с уверенностью не мог утверждать, действительно ли он был китайцем. Владение им японским и корейским языками заставляло задуматься о правдивости его истории.

Проделав все те же передвижения, что и в предыдущие разы, ротмистр оказался в задней комнате очередного притона. Лазутчик терпеливо ожидал своего куратора, сидя на циновке и поджав под себя ноги. Одет он был в обычную одежду китайских поденщиков. Плотные короткие штаны синего цвета и стеганая куртка, которую он, как все местные, не снимал даже в зной, распространяли тяжелый запах застарелого пота.

Ответив коротким кивком на поклон китайца, Сергеев развернул стул и, усевшись на него верхом, незаметно расстегнул кобуру: набитые за годы тренировок костяшки кулаков ихитуаня всегда вызывали у Сергеева невольную тревогу, а о способности китайских боксеров убивать одним ударом ходили легенды.

– Ты принес то, о чем мы договаривались? – спросил лазутчик. Вместо привычного сюсюканья в голосе его слышались гортанные нотки, раздражавшие Сергеева еще со времен экспедиций на Кавказ.

– Зависит от того, что принес мне ты, Ю, – ответил ротмистр.

– Так дело не пойдет, – возразил сидящий на циновке человек, услышав свое имя, зачем-то произнесенное вслух. Бросив быстрый взгляд по сторонам, он продолжил: – За все время моей службы «белому царю» я не передал тебе ни одного сообщения, которое не подтвердилось бы позже. Многие планы японцев становились заранее известны тебе и твоим начальникам. Деньги, которые ты платишь мне, я трачу на дорогу и еду. Ты знаешь, ради чего я рискую своей жизнью.

В комнатухе размером не более шести квадратных метров повисла пауза. Сидящие друг против друга мужчины невольно прислушивались к самым незначительным звукам.

Внимательно рассматривая скрючившегося в нелепой позе для всякого европейца ихитуаня, Сергеев мысленно согласился с его словами. Действительно, все до одного донесения лазутчика рано или поздно находили свое подтверждение. К несчастью для российских солдат, командование раз за разом использовало их неумело или же не использовало вовсе. Цепь нелепых поражений от японцев, а также морская и наземная блокады Порт-Артура были тому доказательством.

– Хорошо, я выполнил первую часть твоей просьбы, – сказал ротмистр, прервав затянувшееся молчание. Не убирая правой руки от расстегнутой кобуры, демонстративно передвинутой им в наиболее удобное положение, он вытащил свободной рукой из кармана галифе какой-то предмет, тщательно завернутый в бумагу. Легким движением офицер подкинул небольшой сверток и бросил на циновку рядом с Ю.

– Это полезная вещь, благодарю, – произнес китаец, убирая сверток в лежавшую рядом котомку.

– Тебе не интересно, какой номер выбит на ободке трубки-вездехода?

– Нет.

– Почему же?

– Эта курительная трубка или дает право прохода через все кордоны армии «белого царя» или нет. Звезды, а не цифры определяют нашу судьбу, – ответил китаец.

– Тебе лучше их запомнить. Назвавший их, даже не имея при себе этой трубки, будет немедленно доставлен в отдел контрразведки для идентификации; до встречи со мной или моими коллегами его не станут бить и точно не расстреляют, – сказал ротмистр, невольно почувствовав разочарование от столь поверхностного отношения к такому ценному в военное время артефакту.

– Благодарю, – произнес Ю снова. Пересекая фронтовую линию, он предпочитал действовать на свой страх и риск, избегая контактов с человеческими существами, способными оказаться предателями для любой из враждующих сторон.

– Твой номер 011, – решил уточнить офицер, заставив Ю недоуменно приподнять едва заметные брови.

– Меня больше интересует вторая часть нашего договора, – сказал Ю.

– Ты просишь слишком много и просишь незаслуженно, – резко осадил ихитуаня ротмистр, – сообщи нам что-нибудь по-настоящему существенное.

– Хорошо, – согласился тот после секундного размышления. – Ляоянь вскоре будет атакован одновременно тремя армиями под объединенным командованием маршала Оямы Ивао. Операция планируется на конец лета. Вот расстановка основных сил и копии некоторых штабных карт, – Ю вытащил из-за пазухи мятый конверт и передал его офицеру.

В отличие от лазутчика ротмистр проявил куда больше любопытства и немедленно развернул спрятанное внутри послание. Шорох от расправляемой ладонью карты давно должен был прекратиться, однако какой-то посторонний звук, всего на мгновение задержавшись в воздухе, пропитанном запахами пота китайца и одеколона ротмистра, подсказал обоим, что они не одни. Оба участника тайной встречи, затаив дыхание, прислушались.

Сделав знак ихитуаню сидеть тихо, ротмистр Сергеев потянулся за револьвером. Ему и в голову не могло прийти, что подслушивавший их разговор шпион имел возможность не только слышать, но и наблюдать за их встречами. Как только шестизарядный револьвер оказался вынутым из кобуры и ротмистр собрался выстрелить в том направлении, откуда раздался подозрительный шорох, наблюдавший за ними, уже не заботясь о производимом шуме, пустился наутек. Китайский боксер, словно невидимой пружиной подкинутый со своей циновки, юлой развернулся в прыжке и ударил пяткой в перегородку, за которой мог прятаться посторонний. К удивлению ротмистра Сергеева, в стене, там, куда пришелся удар ногой, образовалась пробоина. Не мешкая ни секунды, ихитуань проскользнул в нее змеиным движением. Увидев, что китайский боксер оказался более проворным, ротмистр успел воздержаться от стрельбы. Окажись его реакции недостаточно точны, первая же пуля неминуемо досталась бы расторопному Ю. Сергеев понял, что отверстие, зиявшее в глиняной перегородке, недостаточно для него велико. Недолго думая, с револьвером, прижатым к правому бедру, он выскочил из курительной.

В переулке царило оживление не меньшее, чем в дневное время. В отчаянии озираясь, ротмистр выбрал направление, где, по его мнению, находился потаенный закуток порочного заведения, воспользовавшись которым, незваный гость смог проникнуть в его святая святых. После спертого воздуха притона улица наполнила его легкие живительным кислородом. Пользуясь преимуществом русского офицера, позволявшим ему расталкивать маньчжуров, ротмистр поспешил вперед.

Пробежав не менее километра, он признался себе в поражении: все азиаты были одеты в синие штаны и синие же куртки. За время службы здесь, в Маньчжурии, ротмистр Сергеев научился их различать, и они давно не казались ему на одно лицо, но сейчас это мало что

меняло. Рассчитывать, что физиономия следившего за ним окажется знакомой, было глупостью. По-военному развернувшись на каблуках, словно он находился не на загаженной улочке Лаояна, а на паркете в генеральном штабе, офицер поспешил обратно.

Ничего не объясняя удивленно таращившему глаза содержателю притона, ротмистр прошел по узенькому коридорчику, в тайне надеясь застать там поймавшего шпиона Ю, но в комнате никого не было. На циновке, недалеко от того места, где недавно сидел, поджав под себя ноги, ихитуань, лежала небольшая дорожная торба. Ротмистр носком сапога подкинул ее, словно футбольный мяч. Поймав торбу на лету, он вывалил содержимое на стоявший в углу столик. Ничего существенного. Два ножа, один простой, другой финский с кровосточком. Несколько металлических штырей, отточенных и зазубренных с одного конца и имеющих нечто вроде приспособления для крепления на любой поверхности с тыльной стороны. Ловушка против кавалеристов? Завернутая в тряпицу половина рисовой лепешки. Значит, трубку-вездеход Ю положил не в торбу. Сергеев сел на стул, опустил руки на колени и задумчиво покачал головой. Ротмистр готов был поклясться, что Ю положил трубку в свою дорожную сумку. Мог ли он вернуться за ней? Мог, но почему не забрал всю сумку? Ведь не думал же он, опытный лазутчик, что Сергеев не досмотрит его вещи? Значит, он просто усыплял его бдительность. В таком случае переданные им карты и сведения о планируемом маршалам Оямой наступлении – не более чем контригра офицеров кэмпэйтая³.

Подавив вздох разочарования, Сергеев принял единственно разумное решение – дожидаться утра. На этот раз он не оставил револьвер в кобуре, а держал его наготове. Не желая тратить драгоценное время, ротмистр разложил кроки⁴ с обозначениями расстановки японских войск на столе и стал внимательно их изучать, прикидывая расстояния и рельеф на театре будущего сражения. До рассвета оставалось около полутора часов.

* * *

Исполнив кульбит с легкостью акробата, Ю, овладевший в период интенсивных тренировок секретными техниками смертельного боя и тотальной маскировки, сумел почти сразу заметить тень того, кто, притаившись за тонкой перегородкой, слушал его разговор с русским офицером. Настигнуть непрошеного гостя было довольно простой задачей, но Ю засомневался, удастся ли ему получить ответы на те вопросы, которые следовало задать убежавшему, захвати он его здесь, в присутствии такого количества свидетелей. Опытный ихитуань снизил темп преследования и постарался внушить своей жертве, что той удалось избежать опасности. Скользя между прохожими, он выровнял сердцебиение, с удовлетворением отметив, что и преследуемый перешел на обычный шаг. Пробежавший мимо него ротмистр Сергеев чуть было не спутал все карты. Не прояви Ю выдержки и хладнокровия, тот немедленно и не раздумывая разрядил бы в беднягу все шесть патронов.

Некоторое время спустя преследуемый Ю человек скрылся в калитке одного из постоянных дворов. Оставлять его без присмотра было слишком рискованно, и Ю поспешил за ним.

Едва ихитуань переступил порог, как удар по затылку свалил его на колени. Для многих такой удар мог бы оказаться смертельным. К счастью, для Ю, владевшего изощренными техниками боя, умение сражаться в бессознательном состоянии не представляло труда, и дополнительным преимуществом являлась возможность наблюдать за схваткой как бы со стороны. Носок его правой ноги, обутой в мягкий кожаный тапочек, уперся в потемневшую от времени половую доску. Затем Ю сделал мгновенный оборот вокруг себя, подсекая второй ногой, выпрямленной и жесткой, словно кочерга, тех, кто направился к нему с целью добить. Когда

³ Служба безопасности японских сухопутных войск в описываемый период.

⁴ Кроки2 – чертежи участка местности, выполненные глазомерной съемкой.

последний из нападавших испустил дух, сила, извне управлявшая его движениями, вернулась обратно в тело ихитуаня. Тем не менее, ослабленный травмами и оглушительными ударами, Ю нуждался в отдыхе. Его неподвижно лежавшее тело отличалось от трупов только едва заметной веной, ритмично пульсирующей на гладковыбритом загорелом виске.

Так разобщенные после погони ротмистр Сергеев и ихитуань Ю встретили утро того дня, до наступления которого за много верст от Ляояня, в столице Российской империи Санкт-Петербурге, оставалась еще пара часов.

* * *

В гостиной дома, снятого на подставное лицо в бессрочное пользование у купца второй гильдии Петра Васильевича Измestьева, собралась исключительно мужская компания. Время приближалось к полуночи, и плотные шторы, дабы не вызывать ненужных кривотолков среди соседей центральной улицы города Купчино, были тщательно задернуты. Назвать эти меры предосторожности достаточными можно было с большой натяжкой. Несколько припаркованных вдоль улицы автомобилей, среди которых выделялся французский «пежо» вишневого цвета одного из посетителей тайного собрания, давно служили поводом для слухов. Локацию для встреч пора было менять, но более удобного места для скорого подъезда к Царскому Селу выбрать никак не получалось. Чувствительность биржевых колебаний в зависимости от решений, принимаемых на самом верху, ни для кого из собирающихся по вечерам в этом доме не являлась откровением. Новости о ходе военной кампании в Маньчжурии, делавшей всех присутствующих бенефициарами от поставок в армию вооружения, продовольствия и всего прочего, дельцам и коммерсантам хотелось узнавать если не первыми, то как можно скорее.

К середине лета 1904 года общее настроение в Петербургском обществе и в войсках, принявших на себя первые тяготы военного времени, нельзя было назвать подавленным. Первые неудачи на море приписывались коварству врага, нанесшего вероломный удар по кораблям, стоявшим на рейде в Порт-Артуре. Последовавшая за этими событиями гибель «Петропавловска», унесшего жизнь адмирала Макарова и вызвавшая ликование сил, жаждавших поражения своей страны в угоду личным интересам, в известной мере уравнивалась чудесным спасением великого князя Кирилла Владимировича, находившегося там во время взрыва. Люди верующие и богобоязненные видели в этом проявление божьей воли для сохранения монархии в России. Сбежавшие на Запад социал-демократы и прочие революционно настроенные элементы сочиняли похабные пасквили, которые уже здесь, в России, с радостью подхватывали неграмотные поденщики и полунищие батраки. Мощь сухопутной армии не вызвала сомнений даже у самых скептически настроенных. Разногласия, возникавшие между наместником, вице-королем Маньчжурии адмиралом Евгением Ивановичем Алексеевым и командующим Маньчжурской армией, бывшим военным министром генералом Куропаткиным разрешались, как правило, быстро и безболезненно. Накапливание сил и средств шло семимильными шагами. Наземная блокада Порт-Артура вот-вот должна была быть прорвана. Никаких признаков, предвещавших трагедию, которая через двенадцать лет приведет нацию к окончательной катастрофе, заметить было невозможно.

Впрочем, успехи и неудачи на полях сражения в отрыве от экономической составляющей всего происходящего мало волновали присутствовавших на вечерней сходке в доме купца Измestьева. В то же время эта самая составляющая и была краеугольным камнем их сегодняшнего процветания. Каждый отдавал себе отчет в том, что роскошные автомобили и заурядные конные экипажи, припаркованные вдоль улицы, способны быстро превратиться в полновесные гири и кандалы, сковывающие ноги проклятого судьбой каторжанина.

Среди присутствующих выделялась группа из трех человек, стоявшая несколько в стороне от большого овального стола, помещавшегося в центре и почти полностью заставленного

бутылками. Одетые скромно, но по последней парижской моде, трое мужчин, очевидно, никак не могли достичь согласия, и их голоса звучали все громче и громче.

– Так вы считаете, что весь проект Безобразова не более чем афера на самом высшем уровне? – воскликнул один из них, невысокий блондин лет тридцати пяти, выпивший к этому времени не один бокал шампанского.

– Павел Александрович! Говорите тише, – шикнул на него очень полный мужчина, стоявший ближе всех к окну.

– Да, Павел Александрович, если ты продолжишь задавать такие вопросы, то тебя могут посчитать провокатором или, того хуже, записным дураком, способным разболтать любые секреты не хуже платного доносчика, – добавил третий. Его атлетическое сложение выдавало в нем заправского спортсмена.

– В отличие от большинства присутствующих, я вложил в концессию деньги свои и тех людей, которые мне доверяют, – перейдя на злое шепот, уточнил Павел Александрович.

– Мы все в таком же положении, – возразил атлет, одновременно приветствуя бокалом кого-то из основной группы, обратившего внимание на секретничавших приятелей.

– Ну не надо, не надо, уж вы-то, Анатолий Анатольевич, давно находитесь в огромном плюсе. Ваш долг – помочь нам с Павлом Александровичем так же ловко уладить наши дела, – заспорил, не повышая голоса и не глядя на оппонента, толстяк. Время от времени он отодвигал занавеску, всматриваясь сквозь дюймовую щелочку в крошечную темноту дождливой ночи.

– Если у вас еще остались средства, самое лучшее, что вы можете сделать – это немедленно уехать за границу. Поживите в Париже, девушки из варьете не склонны отказывать щедрым господам, Михаил Ильич, – бросил спортсмен, встретившись взглядом с полным мужчиной. В глазах последнего полыхнула ярость, но умение вести себя в обществе взяло верх.

– Анатолий, твои постоянные намеки на то, что бесплатно женщины отдаются только тебе, становятся невыносимы. Поверь, это выглядит смешно! – заступился за своего приятеля блондин и тут же вернул разговор в нужное ему русло. И все-таки, нам надо пробиться на аудиенцию к Александру Михайловичу⁵.

– Это совершенно необходимо в сложившихся обстоятельствах! – поддержал Михаил Ильич, взявший себя в руки.

– Иначе нам придется позаботиться о надвигающихся проблемах другим путем, – со вздохом поддельного сожаления произнес блондин.

– Не надо поспешных демаршей! – немедленно отреагировал Анатолий Анатольевич.

– И все же мы ждем от вас разъяснений того, что происходит с нашими капиталами, – не унимался Михаил Ильич. Его лицо побагровело от мучившей его гипертонической болезни.

Стараясь унять головную боль, он то и дело подливал себе шампанского.

– Мы привлекаем излишнее внимание, шушукаясь здесь на виду у всех, – поспешил закруглить беседу Анатолий Анатольевич. Небольшое разногласие, возникшее между ним и людьми, в свое время прельщенными его уверенностью в безопасности осуществляемых ими инвестиций в Корейский полуостров и в целом в Дальний Восток, он собирался разрешить, после того как сам переговорит с Безобразовым. Предложение обсудить детали в более приватной обстановке всем показалось разумным. Кружок из трех человек немедленно распался, и его члены растворились среди собравшихся.

Даже неискушенному в делах человеку давно было ясно, что обещавший заехать сюда для прояснения обстановки вельможа, входивший в ближний круг императора Николая II, сегодня не появится, и только боязнь упустить даже самый незначительный нюанс в текущей обстановке сил мешала дельцам разъехаться по домам. В разговорах мало-помалу стали проскальзывать флиртующие высказывания.

---

⁵ Статс-секретарь Александр Михайлович Безобразов.

– Варьете, варьете! Тем более в Париже! Как будто я не пресытился этим добром здесь, – не сумев подавить обиды, жаловался какому-то сильно подвыпившему господину Михаил Ильич, одновременно пытаюсь заправить обратно в брюки непослушную белоснежную сорочку. Он говорил теперь еще громче, и магическое слово «варьете» немедленно заставило повернуть в его сторону головы почти всех присутствующих. Немного поспорив, в какое из ночных заведений лучше отправиться в этот поздний час, компания разместилась в автомобилях. Ужасно тарахтя и оставляя за собой запах выхлопных газов, колонна взяла курс на северо-запад.

Двигавшийся в конце колонны «пежо», за рулем которого по последней моде лично пилотировать автомобили находился молодой человек атлетического телосложения, на одной из развилок свернул влево. До Царского Села было не более часа езды.

* * *

На подъезде к Царскому Селу дождь начал стихать. Дворники, плавно скользившие по ветровому стеклу французского автомобиля, легко справлялись со своей работой. Мягкие пружины рессор почти сглаживали неровности грунтовой дороги. Ночное путешествие завораживало. Однако мысли управлявшего новейшим чудом техники молодого человека были далеки от того места, где он находился в данную минуту. Он вспоминал недавний разговор по телефону с девушкой, которую любил, но которой начинал тяготиться. Только поравнявшись с первым кордоном царской охраны, Анатолий Анатольевич отвлекся от посторонних размышлений.

Бумаги, протянутые им офицеру, были в полном порядке и, очевидно, предполагали определенную привилегированность их обладателя. Опытный наблюдатель непременно отметил бы, что бравадный служака именно «отдал честь», а не «козырнул» Анатолию Анатольевичу, возвращая тому пропуск через приоткрытое окно. Для удобства посетителя был выделен один из офицеров охраны, который сопровождал автомобиль до места, где его следовало оставить.

Идти до служебного входа гостевой резиденции пришлось довольно далеко. Вопросы тишины и покоя главных обитателей Царского Села являлись приоритетом.

Поднимаясь на второй этаж гостевого флигеля, Анатолий Анатольевич приготовился к долгому и томительному ожиданию. Час был неурочный, и, не требуя от него Александр Михайлович Безобразов незамедлительно докладывать о настроениях среди основных инвесторов и бенефициаров «Русского лесопромышленного товарищества», он предпочел бы совсем другую компанию.

К его удивлению, ожидать не пришлось. Войдя в гостиную, служившую для деловых встреч, Анатолий Анатольевич застал Безобразова сидящим на короткой кушетке и просматривающим самые свежие, какие только можно было доставить в Россию специальным нарочным, иностранные газеты.

– Чаю не предлагаю, водку тем более. Ты ведь за рулем, и, наверное, спешишь? – после обычных слов приветствия сказал статс-секретарь Безобразов. В последнем предположении послышался намек на его осведомленность о новом увлечении молодого человека. До определенного момента Анатолию Анатольевичу и молодой графине Ольге Мансуровой удавалось скрывать их связь. Столичное общество могло усмотреть в их отношениях известную форму мезальянса. Расчетливый во всем, что не касалось женщин, атлет сделал вид, будто не уловил иронии в интонациях начальника.

– Водка мне не страшна. У нас в спортивном клубе мы тренируемся по австралийской системе. В условия соревнований входит бег, борьба и бокс немедленно после употребления значительного количества крепкого алкоголя. Мне приходится употреблять спиртное, а потом я еду к вам на доклад независимо от самочувствия, – ответил Анатолий Анатольевич.

- Такой автомобиль, как у тебя, располагает к долгим путешествиям.
- Спасибо, но настроения среди тех, кто так или иначе причастен к *cette affaire*⁶, оставляют желать лучшего.
- Больше всех тревожатся Шмидт и Бердыш?
- Не только они.
- По моим сведениям, только их доходы от поставок всякой дряни на Квантунский полуостров значительно снизились с началом военной кампании. Остальным грех жаловаться, – Александр Михайлович говорил с явным раздражением. Было видно, что он устал и, возможно, это уже не первая его бессонная ночь.
- Почему вы не пресечете их воровство? – поддавшись невольному чувству сопричастности к огромному проекту, воскликнул Анатолий Анатольевич.
- Потому что деньги не принадлежат никому. Это мнимая субстанция, перетекающая из рук в руки и приносящая своему мимолетному распорядителю только то, что он заслужил. Сегодня ночью деньги, присвоенные нашими друзьями Бердышем и Шмидтом, да и остальными из этой компании, возможно, принесут им нехорошие болезни. Сифилис, например. Они же направились в варьете? – Безобразов поднялся с кушетки и, нервно расхаживая вдоль высоких окон, продолжил: – При этом девушки, честно отработавшие свою зарплату, купят на полученные ассигнации хлеб и молоко своим детям. Крестьянин, продавший им еду, приобретет починку для лошадиной сбруи и запасет на зиму прокорм для себя и скотины. Пройдет немного времени, и потерянные, замызганные ассигнации будут собраны мытарями и возвращены в казну. «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги своя. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь».
- «Все вещи в труде: не может человек пересказать всего!» – поддавшись желанию блеснуть эрудицией, процитировал Анатолий Анатольевич Ветхий Завет.
- Здесь и кроется вся мудрость, от которой социалисты-горлопаны старательно уведят народ, – продолжил Безобразов. Статс-секретарь метнул недовольный взгляд на своего любимца, позволившего себе перебить его во время рассуждения о тонких материях.
- Прошу прощения, – с извинительным полупоклоном, больше похожим на приветливый кивок, сказал Анатолий Анатольевич. Он стоял на ногах с той минуты, как Безобразов принялся ходить по гостиной, но последний не обращал внимания на чужие неудобства.
- Атеисты требуют принятия конституций по всему миру, беря пример с безбожников Франции, сгубивших в дни своей революции больше человеческих душ, чем любая инквизиция. А разве Закон Божий и не есть свод главных правил, определяющих мораль и нормы поведения правителей и их подданных?! – Безобразов остановился и, ища одобрения, посмотрел на безмолвно стоящего посреди гостиной Анатолия Анатольевича.
- Признаться, я и сам удивлен такому страстному желанию многих разумных людей повторно написать то, что, в сущности, давно изложено в Библии, – согласился с Безобразовым молодой человек.
- Мода пошла от английских колоний. Тут все ясно. Французы приняли свою конституцию через четыре года после англичан, засевших в Америке и отказавшихся подчиняться метрополии. Ирония же в том, что из-за корсиканского выскочки, метавшегося по Европе в бездарных попытках обуздать свой темперамент, более всех пострадали испанцы. Они, как тебе наверняка известно, лишились почти всех своих колоний в Южной Америке. Но и у них нашлись желающие принять конституцию! Помнишь генерала Торрихоса?
- Конечно. В отличие от тех людей, за которыми мне приходится присматривать по вашему поручению, я все-таки получил определенное образование.

---

⁶ К этому бизнесу. (*фр.*)

– Я немного увлекся рассуждениями. Давай пока оставим их, я имею в виду Бердыша и Шмидта, в покое. Они не хуже и не лучше других. Техническая замена собственников мало что изменит, – вынес вердикт Безобразов.

– Значит, все будет продолжаться без изменений? – собравшись с мужеством, молодой человек, наконец, позволил себе задать прямой вопрос своему благодетелю.

– Отнюдь, – ответил Безобразов. По выражению его лица можно было заметить, что он вернулся на землю и сейчас приступит к конкретным инструкциям.

* * *

Просидев до самого рассвета за изучением переданных ему исчезнувшим лазутчиком сведений, ротмистр Сергеев устало потер покрасневшие глаза. Стало совершенно очевидно, что Ю сегодня не вернется. Возможно, он не вернется никогда, и тогда лежавшие перед ротмистром бумаги окажутся не только бесполезными, но и опасными.

Надеясь использовать последний шанс для установления местонахождения Ю и его немедленного задержания, Сергеев поспешил вернуться в расположение своей службы. В этот раз дорога не заняла у него много времени. Таиться более не имело смысла, и он вернулся в канцелярию штаба Маньчжурской армии самым коротким путем. Не более чем за четверть часа, прекрасно ориентируясь в перпендикулярных друг другу улицах Ляояна, ротмистр добрался до внушительных размеров особняка, огороженного высокой каменной стеной.

Знающая ротмистра в лицо охрана пропустила его без лишних формальностей. На этаже, занимаемом отделением под командованием полковника Нечволдова, несмотря на ранний час, уже можно было встретить отдельных офицеров, как и Сергеев, вернувшихся со встреч со своими агентами. Они ограничивались короткими приветствиями: долгие разговоры, по понятным причинам, могли быть истолкованы неправильно.

В частной жизни, особенно до начала военных действий, у ротмистра был довольно широкий круг общения, который состоял в основном из офицеров его возраста и положения, и, конечно, в этот круг входили командиры, с которыми судьба свела его на Кавказе. Будучи человеком опрятным, не склонным к пьянству и кутежам, приветливым и незлобивым, Сергеев был желанным гостем любой компании. Бережное отношение к рядовым солдатам в бытность его службы строевым командиром внушало доверие к нему со стороны низших чинов. Таким образом, его команды и поручения не находили непримиримого отторжения у людей, которым предстояло их исполнять. Данное положение вещей всегда давало ему значительную фору в сложной игре под названием военный шпионаж, где не все действия и распоряжения могли быть вовремя растолкованы непосредственному исполнителю.

Не став дожидаться появления в канцелярии своего непосредственного начальника полковника Нечволдова, ротмистр подписал за него и распорядился разослать по всем заградительным кордонам секретный циркуляр, в котором строго указывалось немедленно задержать любого, кто предъявит трубку-вездеход за номером 011 или, сославшись на ее утерю, назовет эти цифры. Отдельно указывалось на необходимость взять его живым: за поимку полагалась награда в виде внеочередного отпуска сроком на десять суток.

* * *

Профессия старого маньчжура по имени Ичан Ли не предполагала ни праздников, ни выходных, поэтому его ничуть не удивил ранний визит незнакомца, настойчиво стучавшего в дверь его скромного жилища. Присев на краешке циновки, он здоровой рукой нащупал сандалии в полумраке, царившем внутри хибарки из-за плотно занавешенных окон. Левая рука маньчжура, согнутая в локте, застыла в таком положении много лет назад после неудач-

ного падения с повозки. С тех пор Ичан Ли привык спать одетым, не утомляя себя лишними движениями снятия брюк и куртки, двух вещей, которые составляли весь гардероб миллионов китайских бедняков. Мелкими, по-старчески семенящими шажками он торопливо подошел к входной двери, которая была закрыта на задвигающуюся щеколду. Рассмотреть незваного гостя ему мешали солнечные лучи, пробивающиеся в многочисленные щели между кое-как сбитыми досками. Похрипев пересохшим со сна горлом и прокашлявшись, он спросил: «Что надо?». Услышав ответ, он отодвинул щеколду и, приоткрыв дверь, согласно закивал, одновременно протягивая здоровую руку за причитающимся гонораром. Рука эта, тощая, с морщинистой потемневшей кожей, походила на птичью лапку. Особое сходство с ней придавали давно не стриженные загибавшиеся на кончиках желтоватые ногти.

Получив причитающуюся ему за деликатное поручение монетку, Ичан Ли прикрыл дверь и спрятал полученное в один из многочисленных тайников. За последние годы старик почти не помнил, где и сколько он оставил на хранение. Среди валюты, рассованной там и сям, были английские фунты и американские доллары, немецкие марки и русские рубли, золотые и серебряные колечки и браслеты. Таким образом, Ичан Ли был богат как Крез. Его занятием было отвозить на кладбища трупы. Ремесло это досталось ему по наследству и наложило на его жизнь неизгладимый отпечаток. Люди, схороненные им однажды, не должны были возвращаться. Словно беря пример с отвезенных им на кладбище покойников, ценности, полученные за самые деликатные поручения, исчезали из его памяти навсегда.

Подъехав в крытой повозке к тому месту, где неизвестные рассчитывали за счет численного перевеса победить Ю, старик, посчитав трупы, только покачал головой. Из-за травмы, сделавшей его левую руку почти бесполезной, ему приходилось затаскивать трупы на повозку с помощью особого приспособления: Ичан Ли цеплял груз, подлежащий доставке к месту захоронения, металлическим крюком. Мертвецы не чувствуют боли, а безродные мертвецы не требуют уважения.

Закончив погрузку, старик заметил на кончике крюка кровь. Кто-то из лежащих сейчас в повозке покойников был вовсе не покойник. Такие мелочи не интересовали старого маньчжура: он не любил китайцев, ненавидел японцев и презирал белых, включая русских. Однако русские хорошо ему платили, и он мирился с необходимостью служить им. Была и еще одна причина, приносившая ему выгоду от обслуживания морга, неизбежного, увы, строения возле любой больницы или госпиталя. Здесь ему выдавали сопроводительные бумаги. В случаях, похожих на сегодняшний, это было весьма кстати.

По сложившейся рутине Ичан Ли остановил свою повозку на территории русского военного госпиталя в Ляояне. Утренняя суeta медицинского персонала совсем его не занимала.

Сгорбившись, он сидел на краю повозки, подставляя спину под лучи пригревающего солнца. Его слезящиеся с желтоватыми белками глаза оживали на мгновение, когда мимо проходили сестры милосердия, в остальное же время Ичан Ли дремал.

Вскоре он начал волноваться. Солнце поднималось все выше, а к нему никто не подходил. Становилось ясно, что его ждут дополнительные расходы, и старик жалел, что за эти сутки в госпитале не умер ни один русский солдат. Взмахнув кнутом, он повел поводьями влево, приказывая мулам развернуться и направляться к выезду. Его внимание привлекли две русские девушки, одетые в форму медсестер и куда-то спешившие. Маньчжур привык разглядывать таких подолгу.

Неожиданно для него одна из сестер милосердия, резко остановившись, стала что-то говорить своей подруге, указывая рукой то ли на повозку, то ли на самого Ичана Ли. Подумав, что девушки возмущены нескромным разглядыванием, он отвел глаза, сгорбился еще сильнее и, хлестнув мулов, погнал их подальше от привередливых девиц.

Вслед ему что-то кричали. Немного понимая по-русски, он догадался, что его просят остановиться. Еще не разобрав причины такого внимания, но остро почувствовав опасность,

Ичан Ли погнал повозку вперед. На выезде его задержали несшие караул казаки Уссурийской дивизии. Не имея четких распоряжений по поводу задержанного, они стащили его с телеги и, усадив на колени, взяли под стражу. Вскоре к ним подошел военный врач, поднявшие тревогу сестры милосердия и поручик Григорьев, оказавшийся здесь почти случайно: он служил при штабе наместника адмирала Алексеева в должности военного переводчика и, когда у него появлялась свободная минутка, заглядывал в госпиталь.

Подполковник приказал казакам открыть повозку и откинуть в беспорядке валявшееся в ней тряпье. Картина, открывшаяся присутствующим, никого не удивила. За последние полгода и мужчины, и женщины привыкли видеть и умирающих, и умерших в достаточных количествах. Интерес представлял только национальный состав лежащих на досках тел.

– Я не понимаю, из-за чего вы подняли тревогу, – высказал явное недовольство тем, что его оторвали от дел, подполковник.

– По-моему, кто-то из них еще жив, – сказала одна из девушек.

– С чего вы взяли, Мария Сергеевна? – спросил врач. Заинтересовавшись ситуацией, он сделал несколько шагов вперед и стал вглядываться в лица мертвецов.

– Там, где стояла повозка, натекла свежая кровь, – ответила сестра милосердия.

– Да, конечно, вот он, живой, голубчик, – врач потыкал затянутым в перчатку из кожи светло-коричневого цвета кулаком в тело лежавшего без сознания Ю.

– Что же это творится! – воскликнула вторая сестра милосердия, всплеснув руками и сложив перед собой ладони, словно собираясь молиться.

– Этого в операционную, а этого под арест, – приказал врач, поочередно указав на Ю и на Ичана Ли.

– А с этими что делать? Вроде наши, а не макаки, – обратился старший из казаков к подполковнику.

– Откатите их пока в тенок, у нас есть в запасе пара-тройка часов, – сказал подполковник.

Среди снятой с бесчувственного Ю одежды взгляд поручика Григорьева привлек черный пояс. Взяв его в руки, поручик с интересом стал его рассматривать. Как переводчик, он, знакомый с культурой носителей языка, понимал значение загадочных символов. На одном из концов черного пояса были сделаны едва заметные насечки белого цвета. Поручик насчитал их восемь, и ему безо всякого допроса свидетелей стала понятна причина смерти тех, кто сегодня утром лежал в повозке рядом с Ю. Григорьев хотел было положить пояс обратно к штанам и куртке ихитуаня, но увидел предмет, выпавший, вероятно, из кармана синих штанов. Присев на корточки возле низкого табурета, где были свалены вещи, он поднял с пола трубку для курения, на металлическом ободке которой были выбиты цифры «011». Не до конца понимая значение находки, поручик тем не менее поспешил отправить донесение в отделение штаба.

* * *

В эту ночь, в одну из последних ночей июля 1904 года, погода в Санкт-Петербурге и его окрестностях стояла скверная. Дождь то моросил, обволакивая все вокруг холодной сыростью, то превращался в ливень, грозивший сделать дороги непроходимыми. Ветер, налетавший на каштаны и липы, много лет назад посаженные вокруг особняка графа Мансурова, добавлял нервозности в расстроенные чувства дочери графа, Ольги. Как все возвышенные натуры, Ольга считала ревность одним из самых низменных проявлений мещанства. Всего пять месяцев назад она и представить себе не могла, насколько неконтролируемым и выжигающим сердце способно быть это чувство. Порой Ольга себя ненавидела. Масла в огонь подливала ее самая близкая подруга, княгиня Александра Полонская, державшаяся с ней в последнее время с некоторой снисходительностью. Ровесницы, молодые женщины выделялись красотой и положением в светском обществе Санкт-Петербурга. Каждая преуспела в занятиях, требующих серьезных

спортивных навыков. Ни у кого не возникало сомнений, что если бы общественное положение позволяло княжне Полонской танцевать на сцене, то место в балетной труппе Мариинского театра было бы ей гарантировано. Увы, судьбой ей были предначертаны подмостки лишь театра домашнего. Графине Мансуровой давались дисциплины, вошедшие в состав офицерского пятиборья.

Однажды, в самом начале весны, Ольга, стоя перед зеркалом в тренировочном манеже, с упорством фанатика отрабатывала *fausse attaque*⁷. «*Plus vite! Encore plus vite!*»⁸ – раздался справа от нее мужской голос.

Избалованная вниманием сильного пола, Ольга даже не повернула головы. Среди посетителей спортивных манежей довольно часто встречались люди невоспитанные. Стараясь не отвлекаться на советы, которые давал незнакомец, девушка продолжала оттачивать приемы фехтования на рапирах. Внезапно она почувствовала, как ее талию, словно стальным обручем, обхватила чья-то сильная рука. Первой ее реакцией было развернуться и, используя рапиру вместо хлыста, преподать невеже хороший урок, но проблема заключалась в том, что ее держали не только за талию, но и за запястье правой руки. Сжимавшее эфес рапиры, оно оказалось зажато в руке Анатолия. Он начал двигаться вместе с Ольгой, одновременно произнося вслух названия приемов фехтования. Его губы почти касались ее правого уха, иногда чуть притрагиваясь к покрасневшей мочке: «*Allez! Couverture et apres¹, contre-riposte du cote² droit⁹*». Почувствовав бесполезность сопротивления, Ольга двигалась сначала безо всякого желания и энтузиазма. Приемы были ей знакомы, однако неожиданные тонкости и секреты, подолгу остающиеся тайной даже для успешного рапириста, стали раскрываться перед ней, словно водяные лилии на восходе солнца. Когда все закончилось, ей страстно захотелось продолжения.

– У вас определенно неплохие задатки, мадемуазель, – сказал Анатолий, как только, повернувшись, Ольга посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы учитель фехтования? – спросила она, придав дерзости своей интонации. Самообладание постепенно возвращалось к ней.

– Простите, я не успел представиться, – с предельно искренней интонацией произнес Анатолий Анатольевич. – Увы, мадемуазель, я всего лишь такой же любитель спорта, как и вы.

В свое время мне довелось посещать военное училище, а затем послужить в кавалергардском полку.

– У кавалергарда есть имя? – уточнила Ольга.

– Анатолий, – коротко ответил тот.

– Ольга, – сказала она и, сняв перчатку, протянула ему руку.

В первые недели после знакомства они встречались исключительно в манеже. Весна робко, как обычно в этом северном городе, вступала в свои права. Пришло время конных прогулок, которыми молодые люди, не скрывавшие влечения к друг другу, немедленно воспользовались в поисках уединения.

В середине мая после небольшого вечера в загородном поместье, принадлежащем родителям княжны Полонской, между Ольгой и Анатолием произошла первая близость. Но взаимное притяжение молодых людей, несмотря на искренность овладевших обоими чувств, носило несколько различный характер. То, что для юной графини происходило впервые, для Анатолия являлось очередной победой. Нет, он отнюдь не намеревался играть чувствами девушки, просто с мудростью, постигнутой им примерно к тридцати годам, он знал наверняка, что все проходит, что однажды наступит день, когда даже не он, а сама соблазненная им девица пожелает новых ощущений и свежести чувств, так просто достигаемых с новыми возлюбленными.

---

⁷ Обманное действие. (*фр.*)

⁸ Быстрее, еще быстрее! (*фр.*)

⁹ Вперед! Защита и контратака справа. (*фр.*)

Легкость его отношения, безо всяких претензий на личную свободу и возможное заключение брачных уз, теперь все больше раздражала графиню Мансурову. Первый укол ревности Ольга ощутила, когда, круг за кругом проходя препятствия на своем жеребце по кличке Абсент, она посмотрела в сторону стоявших слишком близко друг к другу Анатолия и ее лучшую подругу княжну Полонскую. Лицо молодой графини, и без того покрасневшее от физических упражнений, вспыхнуло еще сильнее. Излишне натянув поводья, она помешала своему коню правильно зайти на препятствие, в результате чего тот задними копытами задел сразу две верхние жерди. С трудом овладев собой, Ольга продолжила тренировку, но подавить досаду ей так и не удалось. Положение усугублялось тем, что княжна была до мелочей посвящена в историю их любви с Анатолием, поэтому ее кокетство и явное желание сблизиться с ним носили непростительный характер.

С тех пор молодая графиня не имела покоя. Ревность терзала ее постоянно и даже в те часы, что они с Анатолием проводили вместе. Сегодняшняя ночь не была исключением, но с одной лишь разницей: всю предыдущую неделю Ольга чувствовала себя необычно: каждый новый день укреплял в ней подозрения в беременности. Этим вечером она намеревалась поставить его в известность. Ольга ждала Анатолия к шести, за час до начала домашнего ужина, но тот давно закончился, а Анатолий так и не появился.

В десятом часу он телефонировал и сквозь шорох помех сказал, что у него сегодня возникли важные дела, которые он не в силах отменить. Среди потрескивания ей послышался женский смех, в котором, как ей показалось, она узнала интонации княжны Полонской. От рыданий ее удержал подозрительный взгляд матери, в последнее время все более внимательно наблюдавшей за ней. Не попрощавшись, Ольга опустила массивную трубку на ручки висевшего в гостиной телефонного аппарата.

Настроение Анатолия после разговора с Ольгой оставалось ровным. Такие истерики он давно научился преодолевать спокойствием и сосредоточенностью на делах, кроме того, ему всегда помогало правило, усвоенное им от отца, посоветовавшего не заводить параллельных романов. «In love beware overlapping, my son»¹⁰, – закоренелый англофил, отец общался с членами семьи исключительно на английском.

Таким образом, совесть Анатолия была чиста, и весь следующий вечер, продлившийся почти до полуночи, он посвятил тем важным делам, ради которых прибыл сначала в Купчино, а затем в Царское Село на конфиденциальную встречу со статс-секретарем Александром Михайловичем Безобразовым.

* * *

Закончив расхаживать вдоль оконной анфилады комнаты для деловых приемов в отведенном ему гостевом флигеле, Безобразов сел в кресло, стоявшее рядом с массивным столом из орехового дерева. Немного помедлив, он указал своему подчиненному на такое же кресло с другой стороны стола.

В последнее время по ночам на душе у Александра Михайловича Безобразова скребли кошки. Он не ложился допоздна, ожидая утренних сообщений, приходявших ему с востока с разницей в семь часов. По сути дела, ему приходилось синхронизировать свое расписание с периодом наибольшей деловой активности здесь, в Царском Селе, где постоянно проживал вместе со своей семьей император, и с рабочими часами штабов наместника в Маньчжурии Алексева, а также главнокомандующего Куропаткина. С последним отношения у Александра Михайловича становились с каждым днем все враждебнее. Не имея прямой возможности вли-

---

¹⁰ В любви остерегайся параллельных отношений. (англ.)

ять на ход военной кампании, Безобразову оставалось уповать только на милость императора, который имел собственные соображения по всем вопросам.

Всего несколько лет назад, когда все только начиналось и бенефициары от инвестиций в проект освоения северного Китая с дальнейшим проникновением в Корею пополняли свои авуары, Безобразову нравилось чувствовать себя руководителем этого кружка. Авуары эти, как правило, находились в Европе, подальше от цепких лап сначала Вышнеградского, правившего Министерством финансов шесть неполных лет, а потом и самого Витте, большого любителя железных дорог, о миллионных взятках которого открыто рассказывали анекдоты. Однако многие из тех, кто по долгу службы исполнял роль больших и маленьких шестеренок сложного механизма, обеспечивавших его корректное функционирование, оставались с носом. Первым приступил к саботажу дипломатический корпус, раздражая японскую сторону проволочками и бессмысленными ответами.

Терпеливые японцы долго мирились с таким положением дел, опасаясь военной мощи своего западного соседа, покуда их политическая разведка не выложила на стол полный расклад сил. Последовавший разрыв дипломатических отношений и почти немедленная атака на Порт-Артур всего лишь обнажили формальное отношение государственных мужей к своему долгу.

В один миг ближний круг сторонников Александра Михайловича Безобразова начал рассыпаться, оставляя его на краю бездонной пропасти экономического краха и политического забвения. Доклад, полученный им только что от своего приближенного, как нельзя лучше свидетельствовал о ничтожности тех людей, на которых он все это время опирался.

Безобразов еще раз окинул взглядом спортивную фигуру Анатолия Анатольевича. «Такой не пропадет», – пронеслась у него мысль, склонившая чашу весов к решению посвятить молодого человека в самые важные детали тех мероприятий, которые Безобразов планировал осуществить в ближайшее время.

– Тебе придется отправиться в Маньчжурию.

– Но мой статус недостаточно значителен, чтобы вы могли рассчитывать на мое действительное влияние на ситуацию! – попробовал возразить Анатолий. От сегодняшней встречи он ожидал чего угодно, только не такого несвоевременного предложения. Отношения с графиней Мансуровой продолжали развиваться, несмотря на его флирт с княжной Полонской. Он понимал, что рано или поздно ему придется выбирать между двумя подругами. Как честному человеку, Анатолию хотелось сохранить такие отношения с обеими, которые не мешают им в дальнейшем появляться в свете.

– Твой статус здесь ни при чем. Ты отправишься туда инкогнито, – добавил Безобразов, в упор рассматривая растерянного Анатолия.

– У меня есть время подумать?

– Нет.

– Я могу отказаться?

– Ты понимаешь, что тебя ждет в таком случае?

– Но у меня обстоятельства...

– Графиня Мансурова? – Безобразов продемонстрировал полную осведомленность во всем, что скрыто от поверхностного взгляда стороннего наблюдателя.

– Допустим, – звенящим от напряжения голосом произнес Анатолий.

– Ну, будет тебе, – поднявшись, Безобразов обошел вокруг стола и по-отечески похлопал молодого человека по плечу. – Если я не даю тебе времени на размышление, это не значит, что я не дам тебе неделю на улаживание дел. Все равно мне надо будет через Волняровского надавить на Сандро, чтоб тот, в свою очередь, через свое влияние на министра внутренних дел добился бы немедленного решения вопроса по новым документам для тебя. Твоя миссия будет тайной, иначе тебя немедленно возьмут в оборот взяточники и растратчики всех мастей и ты

погрязнешь в бесконечной череде пьянок и застолий, сопровождающих любую инспекцию в этом государстве.

– Я отправляюсь туда с инспекцией?

– И да, и нет. Единственный, кому я могу доверять из тех людей, кто находится непосредственно там, это полковник Мадритов. Он с нами уже давно, и лишь его военные отряды, охраняющие лесозаготовки на границе с Кореей, готовы идти до конца. К сожалению, для регулярной японской армии они не могут представлять никакой угрозы. Александр Семенович создал на их основе целую шпионскую сеть, добавив к ним китайских хунхузов¹¹ и наших каторжников. Опираясь на их донесения, я должен добиться смены Куропаткина на посту главного командующего. Его бездарные действия приведут страну к катастрофе. В своих депешах он постоянно требует подкреплений, используя какой-то несуразный термин – «накапливание». Для решительных действий ему мешает все: рельеф местности, погодные условия... Оказывается, сопки Маньчжурии не позволяют успешно действовать кавалерии, заросли гаоляна ухудшают видимость пехоте, данные разведки неточны или несвоевременны. Итог: Порт-Артур в сухопутной блокаде. Инвесторы избавляются от наших акций. Рождественский готовит поход эскадры за сто морей просто из желания потакать общественному мнению. Сандро рассказывал мне, что адмирал заранее уверен в собственном поражении... – Безобразов остановился, невольно сказав лишнее.

– Мне потребуются наличные, – воспользовавшись моментом, заявил Анатолий Анатольевич.

– Тебя никто не будет ограничивать в средствах. Привези мне аргументы для отстранения Куропаткина до того, как он проиграет очередное сражение, – подвел итог Безобразов.

* * *

Пудобнее устроившись на низеньком кожаном диване, кое-как втиснутом в скромный рабочий кабинет главного врача военного госпиталя, поручик Григорьев размышлял о своей жизни, одновременно строя планы на вечер. Переводчика Григорьева, прикомандированного к полевому штабу заместителя Алексева, возглавляемого генерал-квартирмейстером Жилинским, связывали с главным врачом, подполковником медицинской службы Валерием Павловичем Оксilenко, родственные отношения. Григорьев приходился ему племянником по матери, и такое родство давало ему возможность заходить к дяде в гости.

Срочное спасение неизвестно откуда появившегося раненого китайца, найденного в повозке, набитой трупами, несколько сбило предусмотренный им распорядок дня. Участвовавшие посещения дяди служили поводом для встреч с сестрами милосердия, только что обнаружившими живого среди мертвых и теперь ассистирующими хирургу Оксilenко. Отношения в их компании сложились скорее дружеские, нежели любовные.

Обе девушки обладали хорошим музыкальным слухом и недурным голосом. Сегодня на квартире у Григорьева намечался небольшой вечер. Для обсуждения его музыкальной части ему и необходимо было повидаться с Зинаидой Матвеевной и Марией Сергеевной. Именно по этой причине поручик задержался в госпитале после того, как передал в штаб информацию о найденной им у китайца трубке с цифрами «011». Знакомый с бюрократией, он и представить себе не мог, как быстро отреагируют на его сообщение соответствующие инстанции.

Вошедший без стука в кабинет главного врача ротмистр Сергеев застал поручика лежащим на диване, подлокотник которого он использовал в качестве подставки для своих хромо-вых сапог.

---

¹¹ Хунхузы – члены банд, действовавших в Маньчжурии и на прилегающих территориях в первой половине XX века. – *Прим. ред.*

– Где трубка? – не тратя время на приветствия, спросил ротмистр, коротко козырнув немедленно вскочившему поручику.

– Я положил ее в верхний ящик стола, – сказал опешивший поручик.

– Кто ее обнаружил? – спросил Сергеев. Достав трубку, он убедился, что это тот самый пропуск-вездеход, который он несколько часов назад передал своему агенту Ю.

– Простите, но не могли бы вы представиться, прежде чем проводить допрос, – возразил Григорьев, хотя прекрасно догадывался о полномочиях стоявшего напротив мужчины, который был лет на семь-восемь старше самого поручика.

Сергеев протянул Григорьеву бумаги.

– Хорошо, – согласился Григорьев, возвращая их владельцу.

Рассказав обо всем приключившемся ранним утром, поручик Григорьев уже собирался уйти, когда Сергеев попросил его задержаться.

– Итак, найденного живым китайца приводят в чувство, а прикатившего сюда на телеге с убитыми каторжниками арестовывают? – уточнил ротмистр.

– Да, именно так. Я должен идти, меня ждут в штабе заместника, адмирала Алексева.

– Обождите, мне понадобится переводчик. Я сейчас телефонирую Якову Григорьевичу, – сказав это, ротмистр взял трубку аппарата связи. – Ну вот все и улажено, вы пока останетесь в моем распоряжении, – объявил он Григорьеву после минутного разговора с генерал-квартирмейстером Жилинским.

Григорьев ошеломленно смотрел на ротмистра, запросто общающегося с генерал-квартирмейстером. В строевых подразделениях такое не допускалось.

– Пойдемте допросим арестованного маньчжура. Кстати, как ваше имя? В нашей службе мы предпочитаем общаться по именам без излишнего солдафонства, – сказал Сергеев, выходя из кабинета.

– Иван Ильич, – ответил Григорьев, почему-то почувствовав неловкость.

– Игорь Викторович. Игорь. Если не возражаете, я предпочел бы общаться так – коротко.

Офицеры скорым шагом направились в сторону небольшой казармы, занимаемой казаками Уссурийского полка, несшими дежурство по охране военного госпиталя в Ляояне.

* * *

Беглый осмотр раненого не выявил никаких противопоказаний к немедленной операции. Воспользовавшись самым простым обеззараживающим, а именно дистиллированным спиртом, Оксilenко распорядился потуже привязать китайца к операционному столу. Пациент находился без сознания: на выбритой голове китайца выступала значительных размеров гематома. Санитары, притянув его запястья и лодыжки к имевшимся на столе креплениям, вставили ему между зубов палку и потуже затянули вокруг черепа веревку.

Операция, первоначально видевшаяся простой, затягивалась: просовывая свой крюк под пояс «мертвеца», криворукий Ичан Ли не только проткнул ему кожу, но и задел внутренние органы. Несмотря на возможность заражения и последующего гниения, которое могло бы закончиться неминуемой смертью оперируемого, хирург накладывал швы не хуже и не лучше, чем обычно. Подполковник медицинской службы Оксilenко презирал халтуру, чем бы она ни оправдывалась.

Ихитуань не приходил в сознание, мускулы его рук и ног оставались расслабленными. Кожаные жгуты, навязанные санитарями, ни разу не натянулись.

– Ну вот и порядок, – пробормотал Оксilenко, передавая медсестре инструменты.

– Куда мы его положим? – спросила врача сестра милосердия.

– Уж точно не ко мне в кабинет, Мария Сергеевна, иначе моему племяннику негде будет поджидать вас с Зинаидой Матвеевной! – добродушно пошутил тот.

– С Иваном Ильичом нас связывают исключительно музыкальные интересы! – воскликнула Зинаида.

– Я же пошутил, – заверил девушек хирург, заметив смущение обеих. – Положите его к тяжелым.

В этот момент ихитуань открыл глаза. Что он успел услышать, было неизвестно.

* * *

Прощавшись с Безобразовым, Анатолий в глубокой задумчивости вел свой «пежо» в направлении Санкт-Петербурга. Дорога была пуста. Наступал рассвет. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь тучи, слепили глаза, отражаясь в зеркале заднего вида.

Последние инструкции, данные ему Александром Михайловичем, были столь неожиданными, что он то и дело удерживался от желания ущипнуть себя за ухо, дабы убедиться, что это не сон.

Имея привилегии потомственного дворянина, Анатолий прекрасно себя чувствовал в Петербургском обществе. Круг его общения, разумеется, не принадлежал к высшему свету, но на долю этих молодых людей и без того выпадало достаточно развлечений. Свободный в финансах, он жил на широкую ногу. Анатолию довелось послужить в кавалергардском полку Его Императорского Величества, что сильно сближало его со многими, кто сейчас занимал значительное место в обществе. К тому же, обещание Безобразова в случае успеха порученной ему миссии награды из рук императора, несмотря на сложности предстоящей экспедиции, вдохновило Анатолия. Путешествие с поддельным, пусть и выданным Министерством внутренних дел паспортом, было делом рискованным и опасным. Кроме того, Анатолий прекрасно понимал, насколько в данных обстоятельствах он не властен над своей судьбой.

Посигналив возле металлических ворот, закрывавших въезд в арку дома на Невском проспекте, уставший от бессонной ночи Анатолий вынужден был долго дожидаться заспанного дворника. Заехав внутрь, он припарковал машину в специально обустроенном гараже. Лифты в Петербурге в то время часто ломались, и ему пришлось подниматься на пятый этаж пешком.

Войдя в прихожую, Анатолий первым делом разулся и, на ходу снимая верхнюю одежду, отправился в ванную комнату. Лежа в купели с холодной водой, которая ему грезилась последние несколько часов, он мысленно повторял ночной диалог с Безобразовым. Каждое слово, каждое предложение казались логичными и строго выверенными. Сейчас он готов был поклясться, что Безобразов готовился к этому разговору не один день. «Изготовление паспорта и получение необходимых для выезда за границу бумаг займет определенное время. У меня были замечательные отношения с министром, но теперь, после того как Вячеслава Константиновича убили известные тебе подонки, придется повозиться. Слепо доверяться в таком вопросе я не могу никому. Святополк-Мирский, спящий и видящий себя приемником, начнет осторожничать. Понять его можно, но здесь мы имеем возможность их переиграть. Ты только посмотри на беззубую реакцию самого охранный отделения! Вместо решительных действий они задерживают одного бомбиста и делают вид, что не в состоянии получить имена всех причастных! А те не особо и таятся. Вот взгляни, – Безобразов положил на стол несколько листов с отпечатанным на машинке текстом на французском языке. – Обрати внимание на дату.

Отпечатано всего два дня назад. И назвали-то как: „Ко всем гражданам цивилизованного мира“. Откровенно говоря, я не вполне понимаю, чем занимается у нас граф Ламсдорф. А ведь это его министерство, общаясь с японцами через губу, подтолкнуло их к разрыву дипломатических отношений и началу военных действий!» – Александр Михайлович продолжал что-то

говорить в том же духе, но Анатолий его не слушал. Увлеченный энергией, выплескивающейся в каждой строке воззвания партии социал-революционеров, он полностью углубился в чтение.

Как человек с достаточно развитым интеллектом, Анатолий обладал иммунитетом к гипнотическому влиянию энергичных призывов, которому так подвержены люди физического труда.

Противоречия, заполонившие текст, бросались в глаза. *«В России нет революционной буржуазии, которая во всех остальных государствах, опираясь на рабочие массы и изменив им потом в своих классовых интересах, стряхнула ярмо абсолютизма и завоевала права, политические и гражданские».* Каких остальных?.. В каком смысле изменив?.. От дальнейшего разбора лежащего перед ним на столе воззвания его отвлекли новые интонации Безобразова. От политических разглагольствований, столь бесполезных в гостинной, где не было никого, кроме Анатолия, и так полностью поддерживавшего точку зрения своего руководителя, Александр Михайлович вернулся в деловое русло. «С русским паспортом, который я тебе выправлю в ближайшие дни, ты отправишься на запад, а не на восток. Провалить мероприятие, наивно рассчитывая на дискретность рядовых исполнителей, которым поручат подготовку документов, мы, дорогой мой друг, не имеем никакого права. Нам только кажется, что за нами никто не наблюдает. На самом деле даже отрывки фраз, даже неясные намеки на те или иные обстоятельства способны вооружить наших врагов, а ведь количество оных в последние несколько лет выросло непомерно. Общество, пронизанное вольнодумством, неизбежно становится неуправляемым. Если мы, махнув на все рукой, не станем прилагать усилий, замкнемся в частной жизни, крах и последующие несчастья окажутся не менее ужасными, чем поражение на поле боя. Alors¹². После того как ты пересечешь границу, направляйся напрямик в Монте-Карло. Там о тебе позаботятся мои люди. В течение нескольких дней ты превратишься во французского подданного. Нос с горбинкой, широкие скулы и черные волосы делают тебя идеальным для этой роли. Единственное, чему придется поучиться, это плохо говорить по-русски. Да, и запомни: деньги, которые тебе позволят выиграть в рулетку, предназначены для дальнейшего использования в целях успеха этой командировки, – закончил Безобразов. – Но все это займет уйму времени! Что я скажу Ольге? – уже не скрываясь, воскликнул Анатолий Анатольевич. – Возьми графиню Мансурову с собой.

Я слышал, она великолепно стреляет, а уроки фехтования ей преподавал лично ты, – отвечал Безобразов, и было непонятно, говорит он это всерьез или шутит. Веселые чертики прыгали в его глазах, когда Анатолий Анатольевич посмотрел тому прямо в лицо. – Как вы себе это представляете? – Побег! Знаешь, сколько молодых барышень убегает из-под отцовского гнета, дабы тайно обвенчаться? Полицейская статистика ужасает! А классическая литература? Ростова сбегает с Курагиным, а Маша Троекурова умоляет ее похитить, инсценировав разбойное нападение. Будь смелее! Молодости доступны безумства, приводящие к грандиозным свершениям, – улыбнулся Безобразов. По его воодушевлению было очевидно, что идея, возникшая у него только что, его безмерно увлекла. – Погубить девушку вот так, просто ради забавы? Я на это не способен! – совершенно искренне воскликнул Анатолий. – Тогда разбейся сам. У тебя есть неделя».

Зажмурив глаза, Анатолий погрузился в купель с головой и, задержав дыхание, досчитал до ста. Вынырнув и отдышавшись, он повторил упражнение еще несколько раз. «Сам так сам», – подумал он, вылезая из воды и накидывая на плечи банный халат. До начала тренировки по конкурсу, где Анатолий надеялся увидеть Ольгу, оставалось несколько часов.

---

¹² Короче (фр.)

* * *

Солнце почти достигло зенита. Полуденная жара, от которой на открытом пространстве иногда спасал легкий ветерок, здесь, в сарае, использовавшемся как кладовка, становилась почти невыносимой. Скрючившийся на земляном полу Ичан Ли старался не шевелиться. Его здоровая рука была привязана к оглобле старой телеги, у которой не хватало двух колес. Пленник с двумя здоровыми руками наверняка смог бы освободиться и попробовать ускользнуть. Ичан Ли не предпринимал попыток освободиться. От влажной горячей духоты он постепенно впал в транс, и время перестало иметь для него значение. Русские никогда не применяли пыток, как это делали китайцы и японцы. В определенном смысле старому Ичану Ли нечего было опасаться, кроме смерти, которая рано или поздно поджидает любого.

Стеганая куртка Ичана Ли, пропитанная потом и служившая ему защитой от теплового удара, источала невыносимый запах. Ротмистр Сергеев, первым зашедший внутрь, вынужден был немедленно приложить к своему лицу носовой платок.

– Развяжите его и выведите наружу, – приказал он сопровождавшим их с Григорьевым казакам.

Кое-как найдя место, где тень от сарая давала хоть какое-то спасение от солнечных лучей, ротмистр через поручика Григорьева попробовал беседовать с Ичаном Ли. Старик упорно повторял, что ничего не помнит и не знает. Устав промакивать пот, стекавший по шее на белоснежный когда-то подворотничок, ротмистр приказал казакам повесить китайца. Значение последнего распоряжения Григорьев не потрудился перевести, рассудив, что все и так ясно.

Сарай был невысок, балки верхних перекрытий, положенные кое-как, не давали достаточной высоты для успешного исполнения приказа. Тогда казаки притянули лодыжки Ичана Ли к бедрам, укоротив его на полметра. Безразличный ко всему, Ичан Ли не сопротивлялся. Спокойствие владело им, пока он не вспомнил о гонораре, полученном сегодня утром. Монетка была серебряной. На нее можно было приобрести не только новую куртку и выпивку, но и платные ласки женщин. Веревка уже была накинута одним из казаков на его тощую морщинистую шею, как Ичан Ли прокричал что-то удалявшимся ротмистру и поручику.

– Чего он голосит? – спросил Сергеев.

– Говорит, вспомнил, – ответил Григорьев, замедляя шаг.

– Ну, пойдем обратно, – распорядился ротмистр.

Беседа с раскаявшимся Ичаном Ли заняла не более десяти минут. Старик выложил в подробностях все события утра, утаив только размер гонорара. Убитых ночью каторжан он видел впервые. Лицо приходившего за ним посредника помешало разглядеть ослепивший его яркий свет. Дом, где он забирал трупы, Ичан Ли готов был показать немедленно.

Сергеев и не ожидал от него ничего более существенного.

– Пусть посидит пока здесь, а мы посмотрим на его груз, – сказал он казакам, и они с Григорьевым направились к тому месту, где стояла телега Ичана Ли.

* * *

Смотревшие на очнувшегося китайца врач и сестры милосердия были поражены силой воли этого человека. Вся операция прошла без наркоза. Представить себе, что по какой-то причине он не чувствует боли, было невозможно. Они удивились бы еще сильнее, узнав, что сознание вернулось к Ю гораздо раньше, чем он позволил себе открыть глаза.

Очнувшись еще в самом начале операции, Ю сразу понял, что привязан кожаными жгутами. Боясь неосторожной гримасой выдать себя, Ю внимательно вслушивался в русскую речь. Когда все закончилось, Ю открыл глаза. Комната, приспособленная под операционную, вме-

щала в себя два металлических стола, на одном из которых он сейчас и лежал. Форточки, до половины занавешенные белыми занавесками, были открыты настежь. Марля, натянутая против пыли и насекомых, казалось, не пропускала воздух. Было жарко, и вокруг подмышек на белых халатах всех, кто им сейчас занимался, расползлись темные круги пота.

– Очнулся, голубчик, – сказал военный врач.

– Надо позвать Ивана Ильича, – предложила Зинаида Матвеевна.

– Добро, позаботьтесь о нем, – распорядился хирург. Вымыв руки и повесив халат на торчавший в стене крюк, он хотел удалиться, но китаец окликнул его на правильном русском языке и произнес: «0-1-1». Подполковник Оксilenко немедленно приказал ожидавшим в соседней комнате санитарам отвязать китайца от операционного стола. Решение поместить его вместе с остальными ранеными пришлось изменить. Подумав, Оксilenко приказал положить его в отдельной комнате на втором этаже. Секретный циркуляр о необходимости немедленного задержании любого, кто назовет цифры 011, разосланный ротмистром за подписью полковника Нечволдова, до госпиталя еще не дошел.

Вернувшись в кабинет, Оксilenко удивился, не застав там своего двоюродного племянника. Подойдя к окну, он отодвинул в сторону занавеску и, щурясь от яркого света, посмотрел вниз. Обе медсестры, Мария и Зинаида, о чем-то оживленно разговаривали с Григорьевым, которого сопровождал незнакомый ротмистр. Махнув рукой на дела молодых, Оксilenко позвал дежурного и распорядился поставить самовар.

Рассказ сестер милосердия о том, как китаец стоически перенес операцию и, придя в себя, вместо того чтобы скрежетать зубами от боли, назвал загадочное сочетание цифр, показался ротмистру слишком длинным и экзальтированным. Он не любил, когда женщины восхищались при нем достоинствами других мужчин. Сергеев был уверен, что случись ему оказаться в подобной переделке, его поведение было бы не менее героическим. Резко перебив Марию, он попросил немедленно отвести его к китайцу. Не привыкшая к такому обращению, Мария залилась краской и решила, что ротмистр, несмотря на привлекательную внешность, больше не услышит от нее ни слова, кроме обычных фраз вежливости. Тем не менее обе молодые женщины поспешили выполнить распоряжение. Их так же, как и поручика Григорьева, снедало любопытство. К общему разочарованию, ротмистр, зайдя в комнату, куда положили прооперированного Ю, остался в ней один, захлопнув дверь перед носом у остальных.

– Откуда он взялся? – спросила Григорьева Зинаида.

– Прибыл из штаба армии. Секретные миссии. Нам лучше уйти отсюда, все это вас не касается, – сказал поручик и на правах старого друга, приобняв девушек за талию, увлек их к выходу.

– Мужчины любят важничать и зазнаваться перед такими простыми девушками, как мы с Машей, – заметила Зинаида, когда они вышли на улицу.

– Ну, прекращайте, служба есть служба, – примирительным тоном сказал Григорьев. Он вдруг подумал, что сегодняшний музыкальный вечер может и не состояться по причине того, что приказом генерала Жилинского его откомандировали в распоряжение столь деятельного ротмистра.

Сообщив сестрам милосердия, что сегодняшний вечер находится под вопросом, Григорьев остался стоять внизу, ожидая, когда Сергеев завершит беседу с китайцем. Он очень надеялся, что на этом его взаимодействие с ротмистром закончится. Поручик посмотрел на карманные часы. Время обеда давно наступило, и его молодой организм настойчиво требовал подкрепиться. Ротмистр не появлялся. Григорьев хотел уже махнуть на все рукой и отправиться напрямик в штаб, как дверь распахнулась и на пороге появился Сергеев.

– А не пойти ли нам пообедать? – без предисловий предложил он Григорьеву.

Они направились в небольшой трактир, претенциозно обещавший традиционную русскую кухню. Названия блюд действительно соответствовали обозначениям, используемым в

ресторанах и кабаках больших и малых российских городов. Соответствовал и способ подачи и сервировки. Однако запахи, стоявшие в основном зале, мало чем отличались от тех, которыми пропитаны самые затрапезные местные харчевни.

Отказ ротмистра от любезно предложенного официантом лафитника с водкой озадачил Григорьева. Обязательный ритуал создания дружеских уз совместным возлиянием прочно закрепился в его привычках.

Отдав должное борщу по-московски, вкусом и остротой напоминавшему китайскую похлебку димсам, и отбивной свинине, ничем не отличавшейся от местного способа приготовления, они заказали чай, повторив несколько раз просьбу ничего в него не добавлять.

– Ты слышал о китайском отряде полковника Мадритова? – спросил ротмистр поручика, когда назойливо вертевшийся возле них официант поспешил на кухню за чаем.

– Как и все, я только и слышу об успехах в добыче важных для армии сведений его китайским отрядом лазутчиков, – ответил Григорьев, не очень понимая, к чему ведет его новый знакомый.

– Доводилось лично пересекаться с ним?

– Нет, я никогда не встречался с Александром Семеновичем. Он, без всякого сомнения, занимает привилегированное положение при штабе главнокомандующего. Наверное, заслуженно, учитывая те дерзкие вылазки, что его отряд предпринимает в тылах японской армии.

– Так вы, как и все, восхищаетесь им? – спросил Сергеев, перейдя на «вы» от досады на его восторженный отзыв о полковнике Мадритове.

– Я сказал «наверное», – уточнил Григорьев, повысив голос. Переход ротмистра на официальное «вы» не остался для него незамеченным. – Мне кажется подозрительным, что все допросы захваченных языков проводятся исключительно при посредстве его китайских переводчиков. Так что ты, Игорь Викторович, поспешил причислить меня к его креатуре. Это не так, – закончил Григорьев.

– В таком случае прошу прощения, – сказал Сергеев, в знак примирения протягивая Григорьеву руку.

– Я готов тебе помогать во всем, что принесет пользу нашим войскам, а сейчас мне пора возвращаться в штаб к моим обязанностям, – сказал поручик.

– Кому там надо переводить? Там же все говорят на одном языке.

– Дешети, присылаемые бароном Розеном, иногда содержат материалы из японских газет и других источников. Жилинский требует их немедленного перевода, раз Роман Романович посчитал эти материалы заслуживающими внимания военного руководства.

– В любом случае нам следует придумать какую-нибудь другую историю нашего знакомства, – предложил Сергеев.

– Зачем?

– Дело в том, что пять мертвых каторжников, которых привез на своей повозке старый маньчжур, не могут не иметь отношения к Мадритову. Вся его лесная охрана, сформированная им на местах заготовки древесины вдоль реки Ялу – это отлично подготовленные охотники, способные добывать не только кабанов и медведей, но и с такой же легкостью целыми группами похищать людей. Среди каторжников всегда можно найти немало лихих. По складу характера им сложно идти на неизбежные компромиссы, навязываемые цивилизованным обществом. Государство, берущее на себя обязанность наказывать таких людей за их преступления, имеет полное право выбирать форму карающего воздействия, поэтому Мадритов брал некоторых из них к себе на службу. Вопрос, действовали ли они на свой страх и риск или желали узнать мои секреты, продиктован чьей-то изменой. Ты должен мне помочь, – подвел итог ротмистр.

– Ты играешь на музыкальных инструментах? – пока Григорьев слушал своего собеседника, ему на ум пришла одна идея.

– Нет, а что? – неготовый к такому вопросу молодой офицер не знал, как реагировать.

– А петь?

– Что петь?

– Ну, голос у тебя есть?

– Не знаю, – привыкший сам задавать вопросы ротмистр несколько растерялся.

– Вот и узнаем! Заодно будет альтернативная история нашего знакомства. Приходи после семи сегодня по этому адресу. Соберется хорошая компания, – сказал Григорьев и нацарапал на салфетке адрес.

– Хорошо, – согласился Сергеев.

Вечером он хотел все же отоспаться перед очередной бессонной ночью. Он уже давно договорился с ротой охраны об окне для прохода группы лазутчиков в одну сторону и встрече других с обратной стороны. Пускать такое дело на самотек, рассчитывая только на добрую волю охраны, было рискованно. Не раз и не два, забыв о договоренностях, часовые открывали стрельбу, убивая несших ценные сведения людей. Ротмистр просто решил, что выспится потом. Откладывать любое из мероприятий он почел бы непозволительной роскошью. Осаду Порт-Артура надлежало снять в ближайшее время.

* * *

В летние месяцы тренировки по конкуру проходили на открытом воздухе. В обычные дни Ольга старалась приезжать пораньше. Ей нравилось самой проверять плотность натяжения седельных ремней и прогуливать своего любимого Абсента, ведя его в поводу. Сегодня после почти бессонной ночи она, напротив, явилась с опозданием.

Сделав вид, что спешит, Ольга прошла мимо оживленно беседовавших княжны Полонской и Анатолия, едва поприветствовав их кивком головы. Сердце ее бешено колотилось. Мысль о том, что сейчас ей придется больше часа управлять Абсентом, показалась ей невыносимой, и она отчаянно думала о неприемлемом, грозящем обернуться безобразным скандалом. Но конюх уже завершил приготовления и вел Абсента навстречу молодой графине. Почувствовав запах своей наездницы, конь издал радостное ржание. От истерики Ольгу спас привычный ход вещей, подчинившись которому, молодая женщина сумела взять себя в руки и начать тренировку.

Сделав несколько больших кругов шагом, она перевела Абсента на рысь. Дав коню разогреть ноги и сама почувствовав, насколько точно он сегодня готов выполнять команды, Ольга заехала на площадку с препятствиями и прошла ее, не торопясь, принаравливаясь к выбору дистанции для начала разгона и посыла на препятствие.

Не поворачивая головы, она боковым зрением старалась увидеть то место, где должны были находиться Александра и Анатолий. Заметив, что мужчина стоит один, она не выдержала и посмотрела на него, почти развернувшись вправо всем корпусом. Не понимая, чего от него хотят, конь двинулся на препятствие с неправильной дистанции. Но Ольга успела вернуть контроль, и, подняв Абсента на дыбы, остановить движение. Настроение ее улучшилось, и она продолжила упражнения. Ассистировавший ей человек с секундомером зафиксировал значительное уменьшение времени при прохождении последних кругов. Затем она подъехала к Анатолию.

– Нам необходимо поговорить, – сказал он.

– Княжна отказала тебе, и ты решил продолжить развлекаться со мной? – бросила Ольга, не сумев сдержаться и тотчас же покраснев от досады.

– Это ужасно!

– Что именно? Что она тебе отказала?

– Я мог бы пошутить, сказав, что мне невозможно отказать, но такие шутки сейчас не к месту. Ты знаешь, я люблю тебя и не собираюсь... – молодой человек хотел продолжить, но Ольга его перебила.

– Вчера я ждала тебя, наврала родителям, придумывая предлог, чтобы не ужинать с ними и их скучными друзьями, а в итоге весь вечер просидела дома. Мать смотрит на меня с подозрением, она, кажется, начинает обо всем догадываться. Отец – человек старых правил, и нам необходимо соблюдать приличия.

Мысль о возможности заключения брака с единственной дочерью графа Мансурова никогда не посещала Анатолия по причине слишком большой сословной дистанции и его личного понимания свободы. Неловкость затянувшейся паузы скрасила выложенная гранитной крошкой тропинка к месту, где останавливались экипажи любителей верховой езды. Автомобиль, стоявший чуть в стороне от гужевого транспорта, поблескивал на солнце металлическими деталями. Учтиво распахнув перед молодой графиней дверь машины, Анатолий Анатольевич, поддерживая ее за локоть, помог ей сесть на переднее сиденье. Погода стояла отменная, и кожаный верх был собран в гармошку у багажного отделения «пежо». Запустив мотор и плавно вырулив на грунтовую дорогу, Анатолий предложил съездить пообедать в один из ресторанов на берегу Финского залива.

Всю дорогу любящий быструю езду Анатолий лишь изредка бросал короткие взгляды на свою прелестную спутницу. Шум от встречного ветра мешал говорить. Молодые люди молчали, и каждый думал о партнере, строя планы, совершенно не совпадавшие ни в чем, кроме желания физической близости, становившегося все сильнее и сильнее от сумасшедшей скорости. Когда Анатолий Анатольевич, в очередной раз отвлекшись от дороги, чтобы взглянуть на профиль сидящей рядом Ольги, задержал взгляд на ее развевающихся на ветру белокурых локонах, она повернулась к нему. Глаза их встретились, и решение было принято немедленно. Не говоря ни слова, Анатолий сбросил скорость и, свернув на обочину, проехал по полю на разумное расстояние, способное уберечь их от посторонних глаз. Закрыв верх машины кожным капотом, он вернулся в салон и поцеловал Ольгу...

Мир, заключенный и скрепленный самыми верными доказательствами, вернул молодым людям беззаботное настроение. Сидя за столиком в ресторане, они смотрели на набегавшие волны, держась за руки.

– Ты взял меня, как крестьянку в поле, – Ольга посмотрела Анатолию в глаза. Он снова был задумчив, и она больше жизни хотела узнать его мысли.

– Ольга, ты знаешь, как я люблю тебя. Все, что я скажу тебе сейчас, – правда и имеет очень большое значение не только для меня, но и для тебя, – решил он.

– Если ты сейчас скажешь, что должен уехать, я заколю тебя рапирой, – сжимая его ладонь в своей, рассмеялась Ольга, и Анатолий рассказал ей о предстоящей миссии.

– Мне кажется, я жду ребенка. Ты обязан вернуться живым и стать моим мужем, – медленно сказала Ольга.

Ее реакция вернула уверенность в беспокойную со вчерашней ночи душу Анатолия. Партия с дочерью графа Мансурова в совокупности с влиятельным покровительством статс-секретаря Безобразова открывали безграничные перспективы для карьеры как дипломата, так и чиновника. Наверное, он был рад, хотя еще не полностью отдавал себе отчет в сказанном.

По дороге в город они еще раз сделали остановку. Расставаясь, молодые люди поклялись друг другу в вечной любви.

* * *

Поставив автомобиль в гараж, Анатолий передал ключи слуге и приказал привести машину в порядок. Забирая ключи, слуга сообщил о двух хорошо известных им обоим субъек-

тах, дожидавшихся Анатолия в гостиной его холостяцкой квартиры. После их последнего рандеву в Купчино прошло менее суток. Все это время Анатолия меньше всего заботили те проблемы, которые заставляли не находить себе места Павла Александровича Шмидта и Михаила Ильича Бердыша.

Поднявшись на пятый этаж на этот раз на лифте, который каким-то чудом починили, молодой человек застал обоих мужчин в тех же костюмах, что и прошлой ночью. По их несвежему виду можно было сделать безошибочный вывод, что дома они не ночевали, а, следовательно, явились к нему сразу после посещения одного из публичных домов Санкт-Петербурга.

Собрав волю в кулак и пообещав себе контролировать эмоции, Анатолий предложил им выпить, на что оба коммерсанта немедленно согласились. У него хранились изысканные французские и итальянские вина, однако он поставил на стол штоф с водкой и, сославшись на то, что кухарка уехала в Финляндию проведать родственников, извинился за отсутствие закуски. Все трое выпили. Произнесение тостов в таких случаях не предполагалось.

– Почему вы не поехали с нами в варьете? – поинтересовался, быстро пьянея на старых дрожжах, Шмидт.

– Вы много потеряли. Таких стройных ножек вы не увидите больше нигде! Я постоянно гадаю, где эти подлецы-антрепренеры выискивают такие экземпляры, – не дожидаясь ответа, влез Бердыш.

Пропустив вопрос и комментарий мимо ушей, Анатолий разлил по второй, чем вызвал немедленное одобрение визитеров.

– Мы можем все-таки получить аудиенцию у Александра Михайловича? – спросил Шмидт, возвращаясь к тому же месту, на котором вчера оборвалась их беседа.

– Вы опять за свое?! – воскликнул Бердыш, считавший, что, адресуя свои мольбы Безобразову, они косвенно снимают ответственность за свои дела с самого Анатолия, гарантировавшего им стабильный гешефт и безопасность.

Довольный такой несогласованностью в действиях людей, которым он во многом был обязан возможностью жить на широкую ногу, Анатолий расслабился.

– Господа! – заявил он, обводя спорящих приветливым взглядом. – Господа, Александр Михайлович внимательно следит за развитием ситуации, разворачивающейся вокруг ваших коммерческих начинаний в Маньчжурии. Концессии на золотые прииски в Корее будут вам розданы, как только наши солдаты прогонят желтопузых макак с Квантунского полуострова. Ждать осталось недолго. Я лично принимаю самое живое участие во всем происходящем. И главное! Находясь под покровительством Александра Михайловича, вам нечего опасаться. То, что вас отодвинули от прямых поставок в армию, носит временный характер. В ближайшее время нам удастся навести порядок.

Оба визитера, не мигая и боясь пошевелиться, словно зачарованные слушали Анатолия. Казалось, заиграй он сейчас на дудочке, словно индийский факир, и оба опьяневших от водки и радужных перспектив негоцианта примутся раскачиваться. Несвежие манишки и черные смокинги делали их настолько похожими на ядовитых кобр, распустивших свои клобуки, что Анатолий невольно зажмурился.

Дав Шмидту и Бердышу еще некоторое время понежиться в сладких грезах о сказочных обогащениях, Анатолий попросил их о незначительной услуге. Дело было благое, и такая просьба не могла встретить возражений. Благотворительный фонд, попечительский совет которого возглавляла княжна Полонская, нуждался в помещении. Сама княжна, как и ее единомышленники, сейчас оказалась несколько стеснена в средствах, а особняк, такой удобный и совсем не дорогой, надо было выкупить как можно скорее. Продавец, очарованный подвижничеством княжны, обещался ждать, но в последние дни напомнил ей, что у него есть и другие покупатели.

В масштабах обещанных им бенефиций такая трата представлялась хоть и значительной, но оправданной, и обе кобры немедленно согласились.

Зная склонность дельцов нарушать свое слово, Анатолий решил уладить дело немедленно. Возможность лично познакомиться с очаровательной княжной представлялась обоим коммерсантам как нечто абсолютно божественное. О ее красоте и грации ходили легенды.

Воспользовавшись автомобилем Бердыша, все трое оправились на Васильевский остров, где и находился особняк, облюбованный благотворительным фондом княжны. В дороге они еще раз угостились водкой из штофа, предусмотрительно уложенного в дорожный саквояж из отменно выделанной бычьей кожи. После установления мира с графиней Анатолий уповал на благоразумность княжны. Помощь в приобретении особняка под благотворительный фонд, как и идея покупки, была предложена им самим во время беседы, которой они предавались словно невзначай, наблюдая, как графиня Мансурова на своем Абсенте преодолевает одно за другим сложные препятствия, расставленные на дистанции конкурента. «Допустим, – рассуждал он про себя, – я вернусь с доказательствами бездарности командующего объединенными силами в Маньчжурии генерала Куропаткина, способными подтолкнуть царя к его замене. Для меня, возможно, откроются определенные перспективы, а может, наоборот. Недаром говорят, что наградой за оказанную вельможе услугу есть возможность оказать ему следующую. Так будет продолжаться до тех пор, пока я или не сложу голову, или не буду скомпрометирован в глазах закона и выдан на поругание писакам. Питать же наивные иллюзии, что смена Куропаткина на Линевича или на любого другого генерала может хоть что-то изменить для России в целом... Ну нет, увольте... А Александра! Когда она танцует, мне кажется, я готов сойти с ума... Просто надо уметь соблюдать осторожность. Если человек, собирающийся отправиться с секретной миссией на край земли, не способен оставаться незаметным в частной жизни, то его перспективы там, где за любую неосторожность ему грозит мучительная и долгая смерть, близки к нулю... Все портит то, что они подруги. О, если бы Сашенька была замужем!»

От таких мыслей его отвлекли расспросы сидевших в автомобиле подвыпивших Шмидта и Бердыша. Уставшие от существования в постоянном ожидании экономического краха и возможной расплаты за те выкрутасы, что им по сей день удавалось проворачивать с поставками в интендантское ведомство воюющей армии, оба промышленника бежали от них как только могли. Сегодняшнее приключение сулило им веселый вечер, который мог бы перерасти в еще более феерическую ночь. Ни один из них, разумеется, не надеялся заполучить в свое общество княжну Полонскую или даже самую незначительную мадемуазель из ее постоянного окружения. Их окрыляла сама возможность знакомства с девицами из высшего света. Начитанные, образованные, в меру жеманные, недоступные, они по праву служили прекрасной прелюдией перед посещением публичного дома. Поездку на Васильевский остров можно было считать формальностью.

Оба дельца, с первого взгляда определившие, насколько завышена реальная стоимость старого здания, отчаянно нуждавшегося в ремонте, поспешили выписать чеки, каждый ровно на половину от запрашиваемой суммы. Сойдя с проезжей части на противоположный тротуар, они оживленно расхваливали приемы, использованные неизвестным архитектором. Особый восторг вызывал у обоих фасад, исполненный, по их мнению, в стиле позднего ампира. В глубине души и Шмидт, и Бердыш смеялись над нелепыми, немодными вензелями и слишком перегруженными пилястрами, украшавшими потрескавшиеся колонны. Несмотря на приподнятое настроение, им не хотелось выглядеть совсем уж дураками, и они с энтузиазмом несли околесицу, не смея заикнуться про плачевное состояние здания.

Опасения, что им предложат еще и поучаствовать в его реконструкции, разогнали последние алкогольные пары. Поддакивавший им Анатолий, украдкой поглядывая на часы, молил Бога, чтобы княжна приехала одна.

* * *

Легкая, очевидно предназначенная исключительно для летних прогулок по городу коляска, запряженная парой вороных ездовых кабардинской породы, появилась со стороны набережной около половины восьмого вечера. Солнце только-только опустилось за крыши, и все изъезы упомянутого выше особняка, столь бросавшиеся в глаза в слепящих лучах, стали незаметны и даже придали строению романтический вид.

– Княжна, позвольте представить вам моих друзей и щедрых меценатов Павла Александровича Шмидта и Михаила Ильича Бердыша. Как я вам говорил, благодаря их щедрым пожертвованиям, ваш благотворительный фонд сможет обрести постоянное место, – выговорил скороговоркой Анатолий, одновременно подавая руку княжне и делая знак Шмидту и Бердышу приблизиться.

– Благодарю вас, господа, – вложив в слова как можно больше теплоты, произнесла княжна.

Представленные ей ни при каких обстоятельствах не могли входить в круг ее общения, а их помятый вид и возраст, почти вдвое превышавший ее собственный, немедленно переместили их на позиции почти прислуги. Сконфузившись от опасения выдать эти чувства, она посмотрела на Анатолия, и в ее взоре читалась мольба избавить ее от общества этих добрых господ. Умевший понимать женщин без слов, Анатолий взглядом пообещал ей сделать это как можно скорее и не нарушая приличий.

– Господа! – торжественно обратился он к Шмидту и Бердышу, владельцам нескольких фабрик по производству сукна, конными заводами в Башкирии и Удмуртии, пайщикам нескольких выгодных концессий и землевладений, – княжна сердечно вам признательна и непременно желает видеть вас в числе ее гостей на одном из ближайших собраний правления благотворительного фонда. Я лично буду держать вас в курсе всех предстоящих мероприятий. А сегодня мы просим простить нас, ибо княжну ждут иные обязанности.

– Безусловно, – в один голос отвечали негоцианты, делая легкий полупоклон.

– В таком случае до встречи! – махнул им рукой Анатолий и, не тратя времени, проводил княжну к ее экипажу. По тому, как она сжимала его ладонь, он понял, что этот вечер они проведут вместе. Сев на мягкое сиденье прогулочной коляски, Александра демонстративно подвинулась, освобождая место для еще одного пассажира. Не говоря ни слова, Анатолий, одной ногой коснувшись подножки, запрыгнул внутрь. Тронув поводья и причмокнув, бородатый кучер немедленно перевел жеребцов на рысь.

* * *

Загородный дом княжны по обыкновению был пуст. Старым липам, высаженным вдоль дороги, ведущей от ворот к главному входу, было не менее ста лет. Со времени последней близости с Ольгой прошло не более пяти часов, но сейчас окрыленный Анатолий не придавал этому никакого значения. Они поднялись в спальню. Он уже приготовился говорить слова, обещающие заботу о безболезненности первого опыта и его способности предохранить ее от нежелательных последствий, когда княжна задернула занавески и включила ночник.

– Можешь не волноваться, – сказала она, начав раздеваться.

Неосознанно ожидая от княжны той же трепетной застенчивости и возбуждавшего его невольного стыда юной девы, когда-то охватившего дрожавшую от желания Ольгу, он почувствовал укол ледяной иглы.

Посчитав, что возбуждение придет в процессе ласк, Анатолий не остановил ни ее, ни себя. К своему ужасу, лежа рядом с обнаженной княжной, он не чувствовал ничего. Сердце

его бешено колотилось, кровь прилила к вискам. Наконец, лежащая на спине без движения княжна повернулась и, приподнявшись на локте, посмотрела ему в лицо. Ее грудь, до этого скрытая под одеждой и такая заманчивая во время танцев, сейчас опустилась и нисколько не возбуждала его воображения.

– Не расстраивайся, у вас, мужчин, такое часто случается, – равнодушно произнесла она и, не дожидаясь ответа, начала одеваться.

* * *

Появление Анатолия в публичном доме, где его друзья обычно проводили время, вызвало настоящий фурор. Не только Шмидт и Бердыш лезли с расспросами, но и те, кто имел к нему более опосредованное отношение. Одному из них, наглому бугаю, привыкшему вести себя слишком вольно в общении с товарищами, Анатолию Анатольевичу пришлось разбить нос, прежде чем тот уяснил, с кем имеет дело.

Из пестрого цветника свободных девиц он выбрал француженку с выраженным акцентом уроженки Гомеля. Девушка с легкостью произносила на языке галлов одну кое-как заученную фразу: «Voulez-vous coucher avec moi ce soir»¹³, что, по ее мнению, одновременно означало клятву в вечной любви и обоюдное согласие. С Франческой – так девушка просила себя называть – у него все сложилось как нельзя лучше. Немного успокоившись, он вернулся в квартиру на Невском проспекте и, послав все к чертям, завалился спать.

* * *

На сопках Маньчжурии стояла глухая ночь, когда отряд всадников, среди которых находились ротмистр Сергеев и несколько китайских лазутчиков, выдвинулся к югу от Ляояна. Основную часть отряда составляли кавалеристы одного из эскадронов под командованием генерала-лейтенанта Мищенко. Их основной задачей было прикрытие от посторонних глаз китайцев-лазутчиков. Для надежности такого маневра на всех без исключения поверх традиционных синих курток были наброшены казачьи бурки, а вместо островерхих китайских шляп до поры до времени красовались мохнатые папахи.

Солдаты, дежурившие на заслонах боевого охранения, привычные к ночным вылазкам конных отрядов охотников, едва заслышав слова пароля в ответ на оклик «Стоять! Кто идет?», пропускали отряд, не всматриваясь в лица наездников. Возможно, ротмистр перестраховывался, принимая столь тщательные меры предосторожности. Заподозрить в измене рядовых солдат 3-го Сибирского армейского корпуса, входившего в восточную группировку под командованием генерала фон Бильдерлинга, мог только сумасшедший. Однако упускать из внимания тот факт, что на протяжении почти двадцати километров пути, лежащего от стен древней крепости Лаояна до передовых укрепленных позиций российских войск, ни одна пара любопытных глаз не обратит внимания на этнический состав конного отряда, было бы непростительным легкомыслием.

После начала сухопутной блокады Порт-Артура свободное перемещение через линию фронта было затруднено. Никто не хотел рисковать жизнью даже ради куска хлеба. Часовые и с той, и с другой стороны действовали с необычайной жестокостью по отношению к пойманным ими простолюдинам, по неизвестным причинам пытавшимся пройти через заслоны.

Сегодняшней ночью ротмистр отправлял сразу несколько китайских лазутчиков, у каждого из которых было свое особое задание. В основном, это было получение сведений от мест-

---

¹³ Не хотите ли переспать со мной этой ночью? (фр.)

ных жителей, по той или иной причине помогавших русским, о численности стоявших в этом регионе японских войск. Найти таких добровольцев становилось все труднее. Помимо жестокости, с которой японская контрразведка расправлялась с ними при малейшем подозрении в шпионаже, главным фактором негативных изменений по отношению к русским являлись бесчинства хунхузов, грабивших, насилувавших и убивавших местное население. «Краснобородые» занимались подобным ремеслом с самого первого момента своего существования. Разница с прошлыми годами заключалась в придании их деятельности законности со стороны не очень дальновидных, по мнению Сергеева, военных администраторов. Как все лихие люди, бородачи оказались склонны к бахвальству и преувеличению своих подвигов на службе у «белого царя». Вооруженные до зубов, они разъезжали по приграничным селам и вели себя как хозяева. Маньчжуры, в первые годы радостно встретившие русских, становились все озлобленнее. До окончания военных действий изменить положение вещей не представлялось возможным, и ротмистр учитывал такие негативные факторы. Как командир, не раз и не два участвовавший в кровопролитных стычках и сражениях с готовым к сопротивлению и неплохо вооруженным противником, Сергеев прекрасно знал, какие сведения, принесенные лазутчиками, заслуживают внимания, а какие нет.

Донесения вроде «японцы готовят покушение на наместника Алексеева» не вызывали у него энтузиазма. Летучие отряды конницы, возможно, весьма эффективные в войне с Наполеоном, теперь не вносили никакой ясности своими донесениями.

Они, скорее, создавали нервозность, когда, наткнувшись в дозоре на японский разъезд, вступали в быстротечный огневой контакт, стреляя наугад в сторону своего случайного противника. Понять, где это произошло, какие силы стоят за японскими разведчиками, было невозможно. Соприкосновение с отрядом в дюжину кавалеристов превращалось в бой с целой сотней.

По подсчетам генерал-квартирмейстера Харкевича, в сферу деятельности которого входила, в том числе, обработка разведанных, поступавших в штаб Маньчжурской армии по всевозможным каналам, численность войск под началом маршала Оямы значительно превосходила численность русских соединений. Данные, получаемые Сергеевым, говорили об обратном.

В силу неизвестных ему причин достучаться до небес не получалось ни у него, ни у полковника Нечволдова. Не поддаваясь отчаянию, он просто делал свою работу.

Миновав последний кордон русских войск, всадники, теперь уже не таясь и не стараясь прикрыть ехавших рядом лазутчиков, перешли на скорую рысь и, проехав так около пятисот метров, остановились. Один из тех, кому предстояло идти за линию фронта, спешился и, скинув бурку и меховую шапку, убрал их в притороченную к седлу сумку. Водрузив на голову остроконечную панаму, он посмотрел на ротмистра, как бы спрашивая, не хочет ли тот что-нибудь сказать ему напоследок. Сергеев, считавший, что повторение задания еще раз непосредственно перед переброской в тыл врага вносит только путаницу из-за общей нервозности, все же спрыгнул с лошади. Отойдя в сторону, он сказал маньчжур несколько напутственных слов. Лазутчик был из местных. Все обходные тропы, ведущие в селение Сыфантай, он знал с детства. Ротмистр понимал, что, скорее всего, он видит этого безымянного героя, служившего русской армии, в последний раз. С таких заданий возвращались единицы. Как только его силуэт исчез в темноте, отряд отправился шагом на восток, в сторону селенья Вэйдягоу.

Следующий по очереди для отправки вглубь расположения японских войск агент до войны занимался торговлей скотом и имел обширные связи по всему Квантунскому полуострову. Его донесения даже после самой скрупулезной проверки всегда находили подтверждение. Первым на такую необычную осведомленность о трудно добываемых разведывательных данных обратил внимание начальник ротмистра полковник Нечволдов, и вот какой разговор состоялся тогда между ним и ротмистром: «Сколько еще времени этот хитрец предпо-

лагает скормливать нам правдивую информацию, которой мы не успеваем или опасаемся воспользоваться? – задал он Сергею прямой вопрос. Будь такое заявление сделано в официальной обстановке еженедельного совещания в штабе генерала-квартирмейстера, ротмистр, защищая престиж своего безостановочного труда, выстроил бы ответ на аргументированных возражениях. Проблема „успеваем или не успеваем“, как категория временная, относилась к ответственности командиров, отдававших приказы к наступлению или отходу. Опасения же в правдивости полученных сведений во все времена дамокловым мечом нависали над руководителями разведслужб.

Остроту поставленного вопроса сглаживала почти домашняя обстановка в комнате, специально предназначенной для частных бесед. Меблированное в стиле столовой загородного дворянского дома помещение находилось на этаже, где у полковника располагались личный кабинет и другие отделения вверенной ему службы. Оба офицера устроились чуть в стороне от большого круглого стола и пили черный кофе, что было весьма кстати в половине первого ночи, обещавшей быть бессонной. – Я уверен, что он не двойной агент, а агент-двурушник, – продолжил полковник. – Прикажете его повесить, Ваше высокоблагородие? – спросил ротмистр. Зная крутой нрав своего начальника, он не сомневался в утвердительном ответе и уже готовился перейти к обсуждению целесообразности выполнения обещаний, данных им своему лучшему лазутчику-шпиону Ю. – Нет. Давай-ка попробуем отплатить самураям их же монетой. Установи за ним наблюдение, пока он здесь. Посмотрим, с кем ему удастся пообщаться, – объявил полковник, в чьих руках война сосредоточила право карать и миловать. – Будет исполнено, Ваше высокоблагородие, – ответил ротмистр.» Задавать вопросы относительно Ю теперь казалось не с руки, и они почти весь следующий час согласовывали план мероприятий по слежке за предполагаемым предателем. Время, ушедшее в ту ночь на обсуждение всех возможных планов и вариантов развития этого дела, принесло свои плоды почти немедленно. В первые дни наблюдения выявилась цепочка из пяти человек, имевшая на одном конце маньчжура, служившего у ротмистра Сергеева, а на другом – сразу несколько неприметных личностей, способных слышать обрывки фраз разговаривавших между собой офицеров или собирать данные во время осмотров ветеринарами лошадей, предназначавшихся для армии. Ротмистр Сергеев, доложивший полковнику о результатах, предложил задержать и перевербовать те звенья выявленной цепочки, которые наилучшим образом подходили для такого случая. Среди шпионской сети, состоявшей из местных жителей, было несколько семейных мужчин и женщин. Держа в заложниках их близких, военная разведка могла рассчитывать на их безоговорочное сотрудничество. Предложив ротмистру Сергею сесть и разрешив курить, полковник Нечволдов высказал свои сомнения. Основным его опасением являлось полное отсутствие актерского мастерства у неподготовленных к таким трюкам людей. «Они станут стараться изо всех сил, но на их лицах будет проступать ужас от последствий возможного разоблачения. Маньчжуры прекрасно знают, что русские могут их казнить, но, в отличие от японцев, никогда не станут уничтожать их детей и стариков, – сказал он, объясняя свое категорическое несогласие с планом ротмистра Сергеева. – Тогда как обычно, Ваше высокоблагородие? – спросил ротмистр. (Разговор происходил больше двух месяцев назад, когда Сергеев только начинал карьеру военного разведчика и не успел отвыкнуть от прямолинейных решений кавалерийского рубака.) Встав из-за стола, полковник Нечволдов подошел к вскочившему на ноги ротмистру и по-отечески похлопал того по спине: – Ни в коем случае. Я запрошу помощь у Владимира Ивановича¹⁴, мы заменим всех, у кого шпионы крадут секреты на опытных в таких вопросах офицеров. Посмотрим, как самураям понравится такое блюдо...»

¹⁴ Генерал-квартирмейстер И. В. Харкевич, руководивший разведкой Маньчжурской армии при командующем А. Н. Куропаткине.

После еще получаса езды шагом отряд снова остановился. Все повторилось, как и в случае с первым лазутчиком. Бурка и меховая казацкая шапка были убраны в седельную суму, островерхая панاما заняла свое место на голове маньчжура.

Прощаясь с ним, ротмистр невольно вспомнил слова полковника об актерском мастерстве. Сдержатъ гримасу презрения к изменнику оказалось нелегко. Только крошечный мрак ночи помог ему не выдать себя. Через несколько секунд силуэт и второго лазутчика скрылся в темноте. Отряд всадников из эскадронов генерала Мищенко двинулся дальше.

* * *

В эту ночь ротмистр Сергеев планировал не только отправку своих агентов-лазутчиков. Самым непредсказуемым и опасным мероприятием следовало считать встречу возвращавшихся с задания разведчиков. По понятным причинам их появление ожидалось в последние предрассветные часы. Их следовало подбирать в обусловленных заранее местах, ибо, пробираясь всю ночь по скользким от зарядивших дождей тропам, они выбирали из них не только самые забытые и удаленные от японских сторожевых постов, но и недоступные для конных разъездов.

Опасность таких встреч заключалась в том, что коварные самураи повадились устраивать засады встречающим командам, если пойманный агент, рассчитывая сохранить свою жизнь, на допросе выдавал место и время планируемого подбора. В первые месяцы военной кампании неготовые к такой ожесточенной борьбе на невидимом фронте несколько разъездных отрядов казаков угодили в ловушку и потеряли несколько десятков человек убитыми и ранеными. К счастью, ошибки, сделанные на первых порах, были немедленно исправлены. К месту встречи высылались наблюдатели, и, в случае обнаружения признаков засады, уже сами японцы превращались в предмет добычи.

До начала второго этапа сегодняшней экспедиции оставалось почти два часа, и командир конного отряда подъесаул Борисов предложил ротмистру вернуться за укрепленную линию русской армии. Даже час отдыха ценился в напряженной обстановке готовящихся к сражению войск.

Отдав лошадей коноводам, вся команда разместилась под деревянным навесом, наскоро сколоченным солдатами. Сергеев устроился немного в стороне от казаков на вкопанной в землю лавке. Привалившись спиной к стволу пихты, служившей одной из опор для неказистого укрытия, он закрыл глаза. Ротмистр не спал почти вторые сутки. События предыдущей ночи и нелепая рана ихитуаня Ю не только смешали все карты планируемой им партии против своих омологов из штаба маршала Оямы, но и предоставили неопровержимые доказательства тайной слежки за ним со стороны китайского отряда полковника Мадритова.

...Приняв приглашение поручика Григорьева на музыкальный вечер, Сергеев руководствовался соображениями о том, чтобы история знакомства с переводчиком была менее драматичной. Мысль, что за Ю теперь будут следить поделельники тех, кого ему удалось уничтожить в неравной схватке, у Сергеева не вызвала сомнений.

На вечеринке у поручика было несколько незнакомых ему молодых офицеров. Основным увлечением, объединяющим всех присутствовавших, было пение старинных романсов под гитару. Иван Ильич с наполовину прикрытыми глазами увлеченно перебирал струны гитары, извлекая из инструмента звуки одного из самых известных произведений Александра Варламова. Мысли Сергеева крутились вокруг перипетий стоявших перед ним служебных задач, что, однако, не мешало ему с интересом разглядывать обеих сестер милосердия, поющих: «Не буди ты ее, не буди, по утрам она сладко так спит...». Каждая из молодых женщин была по-своему мила. Со стороны казалось, что ротмистр Сергеев, пользуясь своим положением старшего по званию офицера, ведет себя немного бесцеремонно не только по отношению к чув-

ствовавшим на себе его взгляд девицам, но и к самому поручику Григорьеву и его товарищам. Через некоторое время девушки почувствовали себя неловко и, прервав пение, заявили, что им пора. Ротмистр, просчитывавший все это время шансы на удачу задуманной им контригры против японцев, ничуть не смущаясь, предложил молодым женщинам их проводить. До выезда на ночную операцию оставалось более двух часов. Услышав вежливый, но холодный отказ, он удивился, не понимая, чем мог навлечь на себя немилость.

Обе молодые женщины, попрощавшись с остальными гостями поручика, немедленно удалились. На какое-то время в комнате повисла неловкая тишина. Наконец, Григорьев, на правах товарища ротмистра, отложил гитару и, закуривая очередную папиросу, сказал:

– Игорь, ты испугал девушек своими настойчивыми взглядами. Мне следовало предупредить тебя, что наша компания собирается здесь исключительно на товарищеских принципах равенства полов и взаимного интереса к исполнению музыкальных произведений.

– Прошу прощения, я и не думал ни о чем таком! – смущенно воскликнул ротмистр. Он был совершенно не готов к такому повороту событий.

– Девушки действительно очень хороши, – вступился за ротмистра единственный находившийся в компании штатский.

– В любом случае, я прошу у тебя, Иван Ильич, прощения, – сказал ротмистр Сергеев, поднимаясь и одергивая китель.

– Мне пора, господа, хорошего вам вечера, – добавил он, направляясь к выходу.

– Игорь, стой! – поручик Григорьев бросился к нему и преградил дорогу.

– Я действительно спешу. Мы поговорим завтра, – сказал ротмистр, решительно обходя Ивана Ильича.

Увлечшись воспоминаниями о музыкальном вечере, ротмистр не заметил, как задремал. В мимолетном сновидении ему приснились Мария со своей неразлучной подругой Зинаидой. Он проснулся так же внезапно, как и заснул, когда подбесаул Борисов, осторожно прикоснувшись к его плечу, сказал, что пришло время выступать.

Заключительный этап ночной экспедиции нельзя было считать удачным. Из десятка ожидаемых лазутчиков вернулся только один. Как и положено, он привез с собой доказательства своего присутствия в тылу у врага. К таким доказательствам относились солдатские и офицерские нашивки и знаки различия, принятые в японской армии. К зачету принимались также издаваемые японцами пропагандистские газеты и листовки. Однако ротмистр знал, что в последнее время получили свое распространение подпольные сувенирные лавки, торгующие подобным товаром. К еще большему его разочарованию этот северный китаец был из тех, кто совсем плохо понимал по-русски, и беседу с ним следовало отнести на дневные часы. В этот раз, в отличие от сложившейся практики приглашать переводчиков из китайского отряда Мадритова, ротмистр решил обратиться к своему новому товарищу.

Вернувшись с отрядом в Ляоянь, он посадил привезенного им лазутчика в карантин, а сам, вместо того чтобы поспать хотя бы несколько часов, отправился в военный госпиталь проведать Ю. Возможно, им в большей мере руководило желание случайно встретить вчерашних сестер милосердия и, объяснившись с ними, вернуть их доброе расположение.

* * *

Неизбежный шум большого города назойливо проникал в мозг Анатолия даже сквозь пуховую подушку, которой тот накрыл голову. Вчера он выпил лишнего. Шампанское смешивали с коньяком, водку с куантро и ромом. Он звал Франческу с собой в путешествие по Европе, обещал жениться и почитать как Афродиту.

Возвращение из клуба домой на Невский проспект он помнил смутно. К счастью, в постели с ним никто не лежал. Еще некоторое время и абсолютно безуспешно Анатолий про-

бывал скрыться от угрызений совести в лабиринтах сновидений. Настойчивый звонок колокольчика у входной двери отвлек его от самобичевания.

Присев на край кровати, он замер в надежде разобрать разговор визитера со своим слугой, тем самым, которому вчера была поручена забота об автомобиле. Слов ему понять не удалось, но колокольчик задребезжал сильнее. Накинув халат, Анатолий вышел в коридор и открыл входную дверь.

Посыльный статс-секретаря Безобразова передал ему пакет и удалился. Вооружившись специальным ножом для резки бумаги, Анатолий, не задумываясь, скovyрнул сургучную печать. Внутри он обнаружил свежий паспорт на имя дворянина Анатолия Николаевича Богачева, бумаги, разрешающие указанному дворянину покидать границы Российской империи, и билет на вечерний поезд до Ниццы. Такое изменение графика пребывания в столице Анатолий объяснил себе информированностью начальства о его вчерашних приключениях. Видимо, Безобразову стало известно об улаженных отношениях с графиней Мансуровой. Про ночной загул тоже было кому рассказать всезнающему статс-секретарю. Про его встречу с княжной Полонской вне рамок финансирования ее благотворительного фонда, он надеялся, не знал никто.

Растворив в воде из чайника две таблетки аспирина, новоиспеченный дворянин Богачев еще раз спросил себя, куда мог запропасться слуга, который сейчас перед отъездом был нужен как никогда, достал чемодан и начал складывать в него самое необходимое в первые дни путешествия. Зная об отставании от модных тенденций даже в столице, Анатолий рассчитывал полностью обновить гардероб в той стране, гражданином которой, по легенде Безобразова, ему предстояло явиться в Ляоянь. Все инструкции и полномочия ему должны были передать в МонтеКарло, как и обеспечить наличными деньгами и документами.

Первая часть путешествия его нисколько не страшила. Возможно, Безобразов связан с масонами: такие предположения звучали ото всех, кто когда-то слышал это слово. Власть их зиждилась, по слухам, на клятвах, даваемых неофитами при прохождении сложных и загадочных ритуалов. Сами масоны нигде не распространялись о своей деятельности, никогда не брали на себя ответственности за злые или добрые дела. Все, что было о них известно, принадлежало перу беллетристов и нытью обывателей о своем скучном существовании. Так как наш герой не принадлежал ни к первым, ни ко вторым, фантазирование не входило в список его изъязнов. Масоны не могли причинить ему значимого вреда на территории старой доброй Европы. Вторая же часть его миссии, связанная непосредственно с получением неких воображаемых доказательств некомпетентности командования, могла стоять ему не только карьеры, но и жизни. Анатолий мог рассчитывать только на свою хитрость и осторожность.

Он закончил собирать чемодан и, почти не рассчитывая на успех, еще раз позвонил в колокольчик. На этот раз двери распахнулись. На пороге как ни в чем не бывало стоял Семен.

– Ты где запропастился? Я искал тебя все утро, – выговорил ему Анатолий, стараясь не показывать радость от появления слуги.

– С автомобилем, барин, возился со вчерашнего вечера. Горючее подорожало, еле сторговался. Э... нукудышный народец эти выкресты, так и норовят нажить, – вдохновенно врал Семен. Сам он никогда не оставлял себе менее двадцати процентов в качестве «чаевых на водку» от любых трат, совершаемых им от лица своего хозяина.

– «Пежо» в гараже?

– А где ж ему быть?

– Кто тебя знает, – фыркнул Анатолий.

– Да я, Ваше благородие... за вас, Ваше благородие...

– Прекращай ерничать. Самоуничтожение паче гордыни, помни об этом! – изобразив кислую мину, нравоучительно заметил Анатолий.

– Слушаюсь!

– Ну раз слушаешься, тогда вот что: тащи чемодан в автомобиль, отвезешь меня сегодня вечером на вокзал. Я уезжаю. Живи здесь. Коридор и кухня в твоём распоряжении. Остальные комнаты замкну на ключ. Баб не води. Узнаю, отправлю в арестантские роты! «Пежо» поставишь в гараж РАО¹⁵, там за ним присмотр получше будет, чем у тебя.

Закончив сборы, Анатолий приказал подать завтрак, после которого уселся за письменный стол наводить порядок в счетах и прочих документах.

* * *

За более чем 150-летнюю историю своего существования казино Монако обросло таким количеством легенд и «совершенно правдивых историй», что всего не перечислить. Вот одна из них.

В 1903 году в недавно построенном по проекту Гарнье казино был открыт великолепный Белый зал. Сначала он использовался не как площадка для игр, а для того чтобы гости, сами не желающие играть, а лишь ожидающие своих друзей, могли провести время в тишине и уединении. Огромные люстры в стиле барокко, окна, обращенные на море, ряды книжных полок – все располагало к приятному времяпрепровождению вдали от шума и суеты остальных залов. На одной из стен посетители могли лицезреть картину с весьма скандальным для того времени сюжетом известного французского живописца Поля Жерве «Флорентийские грации». На ней были изображены три прелестные полуодетые женщины. Пикантности ситуации придавало то, что в центре композиции современники легко могли узнать известнейшую парижскую куртизанку Каролину Отеро. Родившаяся в Испании Каролина Отеро в 1889 году перебралась в Париж, где быстро поняла ценность своей красоты. Многие влиятельнейшие господа того времени были готовы платить немалые деньги за обладание «прекраснейшей Отеро». Ей приписывали многочисленные романы с обладателями королевских и императорских титулов. Каролина много путешествовала, побывала она и в России. В 1898 году Михаил Врубель закончил «Портрет Каролины Августы Отеро».

Ходили слухи, поддерживаемые самой Отеро, что шесть человек из-за нее совершили самоубийство. Но у самой Каролины всю жизнь была только одна главная страсть – казино. Она была постоянной посетительницей Монте-Карло. Проигрывая, куртизанка, не задумываясь, клала на стол свои драгоценности, подаренные состоятельными любовниками. Говорят, в общей сложности к концу жизни она просадила сорок миллионов долларов. Однажды, проигравшись в пух и прах, она согласилась позировать для новой картины Поля Жерве в стиле ню, но с условием, что картина никогда не покинет стен казино...

Следуя письменным инструкциям, полученным от посыльного в одном из отелей Ниццы, Анатолий Николаевич Богачев купил билет на поезд Ницца-Монако и, потратив на дорогу всего сорок пять минут, оказался возле отеля «Де Пари», прямо напротив входа в казино. В инструкции было сказано, что ему следует пройти в Белый зал и, воздержавшись от необдуманных ставок, дожждаться связного. В качестве пароля ему следовало заучить несколько нехитрых фраз, состоящих из вопросов и ответов. Такие маленькие разговоры частенько возникали между незнакомцами, без дела слоняющимися на отдыхе, и не могли вызвать особых подозрений.

Картина, висевшая на самом видном месте, немедленно привлекла внимание молодого человека. Он не мог поверить своим глазам. Та, что держалась в Петербурге столь высокомерно с такими как Анатолий, позировала французскому художнику абсолютно обнаженной!

---

¹⁵ РАО – Российское автомобильное общество. Председателем комитета в 1903–1905 гг. являлся родной брат А. М. Безобразова, генерал-майор В. М. Безобразов.

Почувствовав укол самолюбия, Анатолий, отвернувшись от картины, подошел к окну и стал смотреть на волны Средиземного моря. Вдалеке виднелось несколько парусных яхт, несущих своих владельцев к только им известным горизонтам. Он немного успокоился, но, повернувшись обратно к картине, снова возмущился. Каролина до недавнего времени оставалась первой женщиной, не уступившей его чарам. Она не отказала ему в близости, но назначенная ею цена, независимо от ее величины, расставила акценты в отношениях между ними. Считавший платную любовь неприемлемой, Анатолий немедленно порвал с испанкой всякие связи. Сегодня здесь, за тысячи километров от Санкт-Петербурга, где неудачу с княжной Полонской исправить не представлялось никакой возможности, а успехи с Франческой только растравливали язвинку, оставленную в душе непревзойденной Каролиной, он вынужден был признать, что его моральные принципы существенно пошатнулись.

Он уже собирался снова повернуться к окну, как какой-то незнакомец, задев его плечом, остановился принести свои извинения. Акцент говорившего безошибочно выдавал в нем уроженца Наварры. Увлеченный своими переживаниями, посланец статс-секретаря Безобразова принял того за обычного невежу, который, принося нелепые извинения, ищет возможность раздуть незначительный конфликт до скандала. Только когда гасконец повторил слова извинения, Анатолий вспомнил, что диалог заученного им пароля начинался именно так. Немедленно сосредоточившись, он ответил:

– Je vous en prie, monsieur¹⁶.

Дальше все прошло как по маслу. Уверенный в своем французском, Анатолий был любезен с незнакомцем, который представился Жаном-Батистом дю Прэ.

Публика, фланирующая по Белому залу, не могла не обратить внимания на двух атлетически сложенных мужчин. Понимая, что излишнее внимание может им помешать, они вышли на площадь и направились в сторону дворца князя Монако, рассчитывая найти приличное заведение для беседы. Им удалось быстро затеряться среди многочисленных прогуливавшихся господ. Зайдя в ресторан, с террасы которого открывался великолепный вид на бухту, они заказали бутылку белого вина и добрый французский антрекот с кровью. После обмена несколькими фразами о погоде и восторженным признанием красоты некоторых яхт, пришвартованных внизу у скал, они были готовы перейти к делу, как одно замечание Анатолия чуть было не внесло конфуз в разворачивающуюся идиллию.

– Я много слышал о фиесте, проходящей у вас на родине, – сказал Анатолий, не выдержав искушения блеснуть познаниями в географии наречий французского языка.

– Какой фиесте? – с неожиданным удивлением поинтересовался дю Прэ.

– Коррида и бег перед быками по улицам Памплоны, – все еще не чувствуя своей ошибки, уточнил Анатолий.

– Признаться, я там ни разу не был! – рассмеялся француз.

– Как, разве вы не из Наварры?

– Нет, с чего вы взяли?

– Но ваш акцент выдает в вас человека с севера Франции!

– Мой акцент?!

– Именно!

– Никогда бы не подумал, что у меня может быть акцент, я родился и вырос в Париже. Вы, кстати, довольно сносно говорите на нашем языке, и, если отбросить в сторону несколько устаревший способ построения фраз, особенно в прошедшем времени, то вас можно было бы принять за испанца из Каталонии или той же Памплоны. Не в обиду вам будет сказано, но у нас даже есть такое провербио: «Il parle comme une vache espagnole»¹⁷, что означает...

---

¹⁶ Не за что, мсье. (фр.)

¹⁷ Он говорит как испанская корова. (фр.)

– Послушайте, любезный, вы переходите всяческие границы! – щеки Анатолия вспыхнули, и, забыв о важности своей миссии, он был готов проучить наглеца.

– Тысяча извинений, я действительно несколько увлекся. Для нас, парижан, правильное звучание нашего языка значит слишком много! Еще раз прошу принять мои извинения, – самым сердечным тоном произнес дю Прэ, протягивая руку взбешенному такой неучтивостью русскому.

Более мирным тоном Анатолий решил объясниться:

– В семье мы все говорили на французском. По сути дела, это мой родной язык. Русским со мной начала заниматься гувернантка, тоже француженка, когда мне исполнилось три с половиной года. Мне всегда казалось, что мой французский идеален, тем более что окружавшие сходились на том же.

– Как я понимаю, там, куда направит вас парижское издательство нашей газеты, никто не сможет заподозрить вас в том, что вы не совсем француз, – улыбнулся дю Прэ.

– Газеты? – переспросил Анатолий, который был уверен, что Безобразов отправит его туда как представителя одного из швейцарских банков, эмиссары которых рыскали по всему свету, предлагая всем, у кого могли завестись деньжата, надежную защиту вкладов.

– Вас не предупредили?

– Нет.

– Это ничего не меняет. Наличные получите завтра в казино. Приходите туда строго после обеда. Вся смена крупье предупреждена и будет стараться попасть шариком в сектора, где будут ваши ставки. Поэтому не играйте на цвет, дюжины и чет-нечет. Ставьте на цифры, находящиеся рядом. Пять, десять, двадцать четыре или двадцать шесть, zero, тридцать два. Играйте сразу по-крупному. Как только вы начнете выигрывать, крупье немедленно сменят. Не волнуйтесь. Как я уже говорил, вся смена наша. Как только ваш выигрыш превысит лимит стола, его закроют. Больше не играйте. Обналичьте фишки и немедленно уходите! Любая дальнейшая игра не приведет ни к чему кроме проигрыша, который мы вычтем из вашей доли, – сказал дю Прэ, не спуская с Анатолия глаз.

– Что значит из моей доли? – спросил тот.

– Это значит, что послезавтра вы должны явиться по этому адресу, – дю Прэ протянул ему визитную карточку, – там в обмен на деньги вы получите все необходимые бумаги и французский паспорт. Вам остается половина выигрыша на расходы, связанные с вашим заданием.

– Половина?

– Мы хотели оставить вам только треть, но у вас могущественные покровители.

– Это много?

– Очень. А теперь я предлагаю отдать должное вину и антрекоту. Холодное мясо с кровью не так аппетитно как слегка остывшее, – усмехнулся француз, вооружаясь ножом и вилок.

* * *

Утро следующего дня человек, покинувший Россию под именем Анатолия Николаевича Богачева, провел, как и полагается атлетам, за укреплением мышц. Зал для занятий физической культурой, входивший в перечень удобств, предоставляемых отелем «Де Пари», как нельзя лучше соответствовал этим целям. После завершения водных процедур и завтрака на открытом воздухе Анатолий отправился на прогулку. За пару часов до времени, определенного для посещения казино, Анатолий ощутил нарастающую с каждой минутой нервозность. По природе своей не склонный к участию в азартных играх, он редко садился за карточный стол, хотя многие из общества, к которому он принадлежал в Санкт-Петербурге, играли, и играли по-крупному. Почувствовав, что в таком состоянии ему будет сложно сосредоточиться и оставаться невозмутимым при любом варианте развития событий, Анатолий поспешил вер-

нуться в номер. К счастью, у него была особая методика психологического настроя, которую он выработал сам и успешно применял в преддверии важных событий.

Войдя в распахнутые швейцаром двери казино Монте-Карло, Анатолий с непринужденной улыбкой обменял банкноты на игровые фишки и подошел к столу с рулеткой. Крупные ставки, разыгрываемые на этом столе, оберегали его от скопления простофиль, рассчитывавших с пяточка подняться до миллиона. Помедлив, Анатолий сделал первую ставку. Попрыгав по колесу, шарик замер на цифре «двадцать семь». Ставка Анатолия принесла ему выигрыш, умноженный в тридцать шесть раз. Он продолжил игру...

Вскоре в зале появился некий представительный господин. Подойдя к столу, где играл Анатолий, господин объявил, что стол закрывается. Любезно извинившись перед игроками, он предложил им занять места за другими столами и, обращаясь к самому удачливому, коим являлся Анатолий, заверил, что для его удобства зарезервирован отдельный стол со ставками, лимитированными только по нижней границе. Вежливо отклонив заманчивое предложение, Анатолий прошел к кассе, где ему выдали двести тысяч французских франков. Ничуть не смущаясь подозрительных взглядов неотступно следовавшего за ним господина и других работников казино, он вытащил из нагрудного кармана холщовую сумку, сшитую наподобие дорожного портфеля, и уложил туда пачки ассигнаций. Отодвинув зазевавшегося швейцара плечом в сторону, Анатолий открыл ведущую на улицу дверь и сам же кликнул себе дежурившего на площади извозчика. Спустившись вниз по ступенькам, он запрыгнул в коляску и велел отвезти его на вокзал.

* * *

Военный госпиталь в Ляояне жил своей будничной жизнью, когда ротмистр Сергеев, так и не найдя ни минуты для сна, зашел на его территорию. Большинство раненых и покалеченных солдат располагались в полевых палатках с деревянным настилом. Снаружи они ничем не отличались от тех, что ставились в расположении действующих полков, а внутри от солдатского обихода их отличали только одноярусные лежанки. Единственное городское помещение в два этажа занимали врачи и медперсонал. Несколько более комфортных палат предназначалось для раненых офицеров.

Хлопоты сестер милосердия носили непрерывный характер: перевязки, уколы, раздача таблеток. Тяжело раненые с начавшейся гангреной и те, кому уже ампутировали одну или две конечности, стонущие или умирающие, стоически хранившие молчание люди были окружены неустанной заботой.

Во время столкновений с горцами на Кавказе в рядах подразделений, где служил Сергеев, также случались потери и ранения. Ему доводилось видеть мертвецов, разрубленных шашкой пополам. Однако у противника, противостоящего русским в тех войнах, никогда не было современных пушек, стрелявших шрапнелью, которую японцы называли «шимозой». Не было в наличии дальнобойных орудий, снаряды которых разрывали в клочья любые фортификации. И, как следствие, Сергееву никогда не приходилось видеть такое количество собранных в одном месте калек. Те из них, кто не умер после операции и пережил горячный бред первых дней, сейчас, ловко пользуясь костылями, помогали прикомандированным к госпиталю санитаркам и солдатам. Поняв тщетность своих надежд на встречу с Марией или Зинаидой, чтобы с ними объясниться по поводу вчерашнего недоразумения, ротмистр поспешил к Ю.

Он застал того в дальнем углу палаты, сидящим на коленях и поджавшим пятки к ягодицам. Сергеев сел на одинокий стул, стоящий рядом с больничной койкой. Хорошо знакомый со странными обычаями местных, он решил не прерывать сеанс медитации и не вызывать ненужного сейчас раздражения у своего лучшего агента.

Прошло еще минут пять, и Ю открыл глаза.

– Я ждал тебя, – сказал он, не меняя положения тела.

– И правильно делал. После приключений, выпавших на твою долю в прошлую ночь, лучше встретиться со мной, чем со святым Петром, – пошутил ротмистр.

– С кем?

– С одним из наших святых: он встречает умерших у ворот, ведущих в рай, так как наш бог доверил ему ключи, – пояснил Сергеев.

– Наш бог не доверяет никому, – ответил китаец.

– Возможно, твой бог прав, – согласился ротмистр.

– Как я оказался здесь?

– Тебя привез маньчжур по имени Ичан Ли. Ты знаком с ним?

– Первый раз слышу это имя. Где он меня нашел?

– Он нашел тебя на постоялом дворе вместе с трупами тех, кого ты убил. Те, кто вызвал этого перевозчика мертвецов, посчитали тебя мертвым и даже не стали обыскивать, – сказал ротмистр.

– Значит, они не за одно, – сделал вывод китаец.

– В этом я не уверен. Вчера днем, прихватив с собой конвой из казаков, мы с моими подчиненными окружили этот постоялый двор. Задержали и допросили всех, кого удалось поймать. Они отрицают причастность к произошедшему ночью. Говорят, русские пили у них в общем зале, потом с кем-то не ладили, пошли во двор разбираться. В итоге им пришлось вызывать труповозку, – закончив свой короткий рассказ, Сергеев встал и подошел к окну. Отсюда просматривалась бо́льшая часть территории военного госпиталя.

– Мои вещи были при мне? – в первую очередь имея в виду трубку-вездеход, спросил китаец.

– Да, вот, – ротмистр достал из кармана трубку и, не отрывая взгляда от окна, передал ее владельцу, – благодаря тому, что она оказалась при тебе, меня немедленно оповестили, и я смог найти тебя так быстро.

– Почему русские напали на меня?

– А ты не лучше ли меня знаешь ответ на этот вопрос? Как я понимаю, твое преследование того, кто подслушал наш разговор, было успешнее моего?

– В каком-то смысле да.

– Ты разглядел его лицо?

– Да.

– Это один из русских?

– Нет.

– Ты знаешь его?

– Я встречал его однажды, он занимался вербовкой агентов для одного еврея, который обещал хорошую оплату за службу.

– Как его зовут?

– Кого?

– Еврея.

– Яков Пирсиц.

– А китайца?

– Не помню.

– Хорошо.

Версию о кознях полковника Мадритова приходилось исключать. В какой-то мере ротмистр почувствовал облегчение. Китайский отряд, сформированный не только из китайцев, считался самым эффективным инструментом командования в добыче оперативных сведений о противнике.

В штабе армии, да и самому ротмистру хорошо было известно, на кого работал Пирсиц. Его прямая связь с уголовниками, учитывая его прошлое, никого не могла удивить. Версия, что это он отправил одного из своих людей шпионить за ротмистром, заслуживала внимания. Теперь дело было за малым – оставалось поймать того, кто ночью осмелился подслушать его разговор с тайным агентом, а затем заставить того разговариваться. Имея доказательства провокационных действий против своих товарищей по оружию, можно будет отправить Пирсица под трибунал. Ю, обладая всеми необходимыми для этого навыками, вполне мог решить поставленную задачу.

В наступившей тишине Сергеев еще некоторое время постоял у окна. Ему очень хотелось увидеть вчерашних сестер милосердия. То ли стараясь отпугнуть гнетущую тишину, то ли пробуя подманить удачу, он принялся костяками пальцев выстукивать по стеклу ритм народного танца, популярного на Кавказе.

При кажущейся простоте, научиться отстукивать ритм лезгинки у Игоря Викторовича в его бытность службы на Кавказе получилось не сразу. Пришлось прибегнуть к помощи одного человека из банды пойманных абреков. Молодой офицер потребовал простучать мелодию так медленно, как только возможно. Сергеев быстро ухватил ритм и, вручив горцу лепешку и кувшин воды, отправил того обратно в зиндан¹⁸. С тех пор в минуты размышления ротмистр частенько отстукивал лезгинку.

– Так что с моим делом? Вы, русские, собираетесь выполнять свои обещания? – прервал молчание китаец.

– У тебя есть сомнения?

– Да, я начинаю сомневаться. Иначе мне сложно объяснить самому себе, почему вы тянете, – со свойственной ихитуаням прямоотой ответил Ю.

– Послушай, вчера нам не дали договорить. Я хотел сказать, что как только ты исполнишь еще одно мое поручение, мы дадим тебе то, о чем ты просишь. Возможно, тебя преследует злой рок. Иначе я не могу объяснить себе, как такое количество непредвиденных неприятностей могло возникнуть на твоём пути, – Сергеев говорил медленно, словно обдумывая каждое слово.

На самом деле эти неприятности мешали сейчас не только Ю. Планы полковника Нечволодова по переброске ихитуаня в Нагасаки, а оттуда в Киото с целью максимально быстрой аккумуляции сведений, собранных местной резидентурой, летели в тартарары. Вина Игоря Викторовича, не сумевшего уберечь лучшего агента военной разведки Маньчжурской армии, была очевидна даже ему самому.

– Позапрошлой ночью я принес вам достоверные кроки с очень точным указанием места расположения армии генерала Куроки. Я рисковал жизнью, и на пути моего возвращения мне пришлось не раз и не два убивать японских часовых. Выполните свое обещание, и я продолжу служить вам, – уперся китаец.

– Нет, – сказал ротмистр и снова начал отстукивать лезгинку.

– Тогда я не стану больше ничего для вас делать.

– В таком случае мы тебя повесим.

– А если я предам вас?

– Ты этого не сделаешь.

– Почему?

– Потому что только мы можем приблизить тебя к Юань Шикаю.

---

¹⁸ Зинда2н – традиционная подземная тюрьма-темница.

* * *

Утренние заботы, поглотившие все мысли и чувства Марии с самого восхода солнца, спасли ее от ненужных раздумий, связанных с переживаниями вчерашнего вечера. Мужское внимание, так обильно и откровенно проявляемое к ее персоне со стороны попадавших в госпиталь военных, не вызывало у нее никаких эмоций. Она, как и остальные девушки, прекрасно понимала природу такого влечения. Выбранная ею стезя самопожертвования до известной степени предполагала проявление теплых чувств ко всем, кто нуждался в ее заботе и милосердии. Она умела ладить и с выздоравливающими, и с умирающими. Музыкальные вечера, затеянные поручиком Григорьевым, казались ей милыми безобидными посиделками, которые она посещала, скорее, уступив мольбам своей подруги Зинаиды, чем по собственному желанию.

Как у всякой женщины, возраст которой приближался к тридцати, у Марии успели появиться свои тайны. Она умела хранить их за семью печатями, и даже в минуты откровенности ей и в голову не могло прийти поделиться ими с кем-либо из подруг. Легкий, едва заметный отпечаток грусти никогда не сходил с ее лица. За внешней мягкостью обращения с окружающими скрывался волевой характер, позволявший ей держаться на равных с военными хирургами. Даже главный врач Оксilenко никогда не обращался к ней иначе как по имени-отчеству. Возможно, именно ее присутствие на музыкальных вечерах, устраиваемых поручиком Григорьевым у него на квартире, удерживало молодых офицеров от откровенного флирта с Зинаидой.

Весь вчерашний вечер, старательно отводя взгляд в сторону и как бы не замечая неуместного внимания, Мария с ужасом чувствовала, как, погребенный под остывшим пеплом навсегда ушедшей любви предательски разгорается крошечный уголек надежды. Всю ночь она отдала молитве и слезам. Она поклялась себе больше не посещать квартиру поручика Григорьева и сто раз повторила в воображаемом диалоге с уговаривавшими ее изменить это решение Зинаидой и Иваном Ильичом фразу о невозможности любых развлечений, пока не закончилась война. Догадываясь, что ротмистр придет к своему агентукуитайцу, она нарочно избегала любых дел под окнами палаты, где лежал раненый ихитуань. Поэтому сколько Сергеев ни выстукивал лезгинку, всегда приносившую ему удачу, в этот день ему так и не удалось увидеть Марию.

* * *

Выйдя из поезда на вокзале Ниццы, Анатолий даже не пытался определить, следует ли за ним кто-либо из людей, призванных оберегать финансовые амуары князей Гримальди. Пестрая публика, запрудившая всю привокзальную площадь, спешила по своим делам, и, вертя головой, ничего другого, как вызвать подозрение у полиции, достигнуть не представлялось возможным.

Послуживший в молодости, хоть и совсем недолго, в кавалергардском полку Анатолий умел постоять за себя в той среде, где напористость и отвага, переходившие порой в неприкрытую задиристость, приводили к стычкам с людьми, общества которых никак невозможно было избежать. Сейчас, двигаясь к назначенному ему дю Прэ месту рандеву, он намеренно не скрывал своей военной выправки. Если у кого-то из администрации игорного заведения появилось бы желание обвинить его в сговоре с персоналом, а следовательно, и в мошенничестве, он не собирался сдаваться без боя. Во внутреннем кармане у него лежал особый кастет, позволявший не только дробить челюсти, но и наносить неглубокие, но болезненные порезы.

Анатолию удалось добраться до места назначения без всяких инцидентов. Дю Прэ поджидал его, сидя в глубоком кресле, с почти полностью докуренной сигарой и стоявшей на столе полупустой бутылкой коньяка. Поморщившись от дыма, синеватыми пластами расплзавше-

гося в спертom воздухе, Анатолий с удовлетворением подметил нервное состояние парижанина. Видимо, несмотря на гипотетическую надежность его схемы с играющими на их стороне крупные, последняя имела зоны определенных рисков, и все могло закончиться иначе, не проявив русский хладнокровия и собранности. Ограничившись сухим рукопожатием, они немедленно перешли к делу.

Как и было договорено, Анатолий получил французский паспорт и бумаги, свидетельствовавшие о его принадлежности к газете «Пти паризьен»¹⁹. Теперь конфиденгент Безобразова снова изменил способ своей идентификации. С этой минуты Анатолий Николаевич Богачев исчез, и миру явился журналист Антуан Моро.

Бум французской журналистики приближался к своему апогею. Корреспонденты ежедневных газет и еженедельных журналов проникали во все сферы деятельности, правильное освещение которых могло увеличить тираж. Конец XIX и начало XX века можно смело назвать золотым веком французской печати. 29 июня 1881 года национальным собранием почти единодушно – 448 «за» и 4 «против» – был принят «Закон о печати». Некоторые из обсуждавших впали в такую эйфорию, что даже предложили отменить наказание за ложные новости. Но большинство здравомыслящих депутатов благоразумно отклонило принятие таких изменений. И все-таки некоторые послабления были сделаны: отменялись цензура, предварительное разрешение, залог, гербовый сбор, а также ряд других ограничений.

Принятие «Закона о печати» привело к активизации политической жизни. Введение бесплатного обязательного образования для детей снизило число неграмотных. Добавьте к этому дешевизну печатной продукции и *voilà*²⁰: это привело к почти удвоенному росту числа газет за три последующих года. Отныне достаточно было иметь двенадцать су, для того чтобы начать выпускать новую газету. Именно столько стоила марка, которую необходимо было наклеить на письмо прокурору, в котором требовалось указать название газеты, а также имя и адрес владельца и издателя.

Каждая уважающая себя партия считала необходимым иметь свою газету. Страницы одних занимали романы и фельетоны, другие становились трибуной для яростных антиправительственных дебатов, третьи называли себя «информационными» и старались придерживаться умеренных взглядов. И вот к самому концу XIX века среди печатных изданий определилась «большая четверка»: «Пти журнал», «Пти паризьен», «Матен» и «Журнал».

В решающей же схватке за читателя пришлось сцепиться, с одной стороны, «Пти журнал», лидирующей на рынке с 1860 года, чье число подписчиков к этому времени перевалило за миллион, и, с другой, «Пти паризьен», основанной только в 1876 году, с тиражом в 650 тысяч. Но, как часто бывает, все решил один случай. В 1894 году Франция раскололась на два лагеря, обсуждая резонансное дело Альфреда Дрейфуса, обвиняемого в шпионаже в пользу кайзеровской Германии. «Пти журнал» приняла сторону обвинения, активно поддерживая на своих страницах антидрейфусовские настроения. И прогадала. Уже к 1898 году газета потеряла 600 тысяч подписчиков, почти в полном составе перешедших к «Пти паризьен», которая не побоялась предоставить трибуну самому Эмилю Золя, выступавшему в защиту Дрейфуса.

Возглавивший «Пти паризьен» Жан Дюпюи долгое время жил в Америке и постарался использовать весь полученный там опыт на благо газеты. С целью повышения тиража на страницах газеты начали анонсировать проведение различных конкурсов. Один из читателей выиграл приз в двадцать пять тысяч франков, правильно назвав количество пшеничных зерен, уместившихся в винной бутылке. После этого число подписчиков в провинции превысило миллион.

¹⁹ «Маленький парижанин» (фр.)

²⁰ Вот (фр.)

Таким образом, появление в Ляояне корреспондента газеты «Пти паризьен» не могло вызвать никаких весомых подозрений. Расчет Александра Михайловича Безобразова на успешное вхождение своего посланца в самые осведомленные круги военной аристократии, властвовавшей в северном Китае, был сделан безошибочно.

* * *

В это же время деловое общество Санкт-Петербурга продолжало жить в ожидании предстоящих побед русского оружия. Вести о разгроме 1-й Тихоокеанской эскадры, о гибели ее командующего контр-адмирала Витгефта еще не дошли до широкой публики. Причастные к поставкам в армию и на флот дельцы шептались о тайном совещании, проведенном в Петергофе Николаем II. Круг вельмож, принявших окончательное решение о немедленной отправке в поход 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Рожественского, включал в себя только высшую аристократию. Руководствуясь самыми противоречивыми соображениями, такими как опасения из-за выплат неустоек зафрахтованным заранее пароходам с углем, которые ждали эскадру по пути ее почти кругосветного плавания, до надежд на присоединение к ней крейсеров из южноамериканских стран, чиновникам Морского ведомства удалось убедить императора в целесообразности этого похода.

* * *

Проспавшиеся после четырехдневного загула Шмидт и Бердыш, скучные и раздражительные как все алкоголики в состоянии вынужденной абстиненции, донимали окружающих расспросами о дальнейших перспективах. Склонная к фрондерству либеральная пресса копировала выражения запрещенных агиток, распространяемых социал-революционерами из-за рубежа, и позволяла себе все более частые нападки на Александра Михайловича Безобразова. Введенное в обиход с легкой руки одного из их лидеров Владимира Ульянова выражение «безобразовская клика» стало использоваться во всех разговорах, касавшихся темы войны на дальневосточных рубежах.

Причастность к клике угнетала Бердыша и Шмидта. Шел третий день их трезвого образа жизни, и каждый из дельцов проводил все время у себя в конторе, суммируя столбцы цифр, накарябанных грифелем на картонках и бумажках разных форм и размеров. Внесенное ими пожертвование на выкуп особняка для благотворительного фонда княжны Полонской не могло существенно повлиять на общий баланс сводимого ими дебета и кредита. Подарки танцовщицам, оплата дорогих французских вин в частных кабинетах модных ресторанов, будучи приплюсованными к ежемесячным растратам, давали ничуть не менее внушительный результат. Разница крылась в подходе. Их собственная снисходительность к безродным танцовщицам, лелеявшая и взращивавшая их чувство превосходства, не шла ни в какое сравнение по силе своего разрушительного влияния на их самооценку с пренебрежением к ним со стороны великопной княжны Полонской. Иногда они даже желали успеха призывавшим к общему хаосу революционерам. Сладость падения, которое пророчили засевшие в Швейцарии социалисты, окрыляла. Конечно, раздайся сейчас телефонный звонок от непонятно куда и зачем исчезнувшего Анатолия Анатольевича с предложением забрать себе выгодный контракт, каждый из них немедленно забыл бы и думать о чем-либо другом. Однако время шло, а телефон молчал. Пересчитав по десять раз все цифры, они запомнили все статьи понесенных расходов, планируя афишировать их при каждом удобном случае. Все доступные наличные, напротив, подлежали изъятию из оборота с дальнейшим превращением их в удобные для хранения золотые слитки.

Явившись в свои конторы утром четвертого дня, оба они с удивлением застали поджидавшего их курьера от княжны Полонской. Вскрыв конверт, Павел Александрович извлек оттуда

открытку, на одной стороне которой были изображены херувимы, окружавшие поверженного в бою солдата. Каждый из изображенных херувимов, как мог, пытался облегчить страдания раненого. В самом низу, написанный выпуклыми золотыми буквами, красовался девиз благотворительного фонда княжны: «*Amat victoria curam*»²¹. Перевернув открытку и поднеся монокль к правому глазу, коммерсант ознакомился с тем, что было написано в несколько линий не лишенным изящества женским почерком. Сообщалось, что отныне Шмидт Павел Александрович является действующим членом попечительского совета благотворительного фонда, ближайшее заседание которого состоится восьмого августа. Зная цену таким инаугурациям, Павел Александрович малодушно подумал, не прервать ли ему добровольно наложенный на себя отказ от потребления водки и других напитков, делающих человеческую жизнь хоть отчасти терпимой к бессмысленности бытия. Курьер, крепкий детина, явно из дворовых, продолжал топтаться рядом, нависая над невысоким Павлом Александровичем. Раздражение новоиспеченного члена попечительского совета, не имея возможности вырваться наружу, коржило его изнутри. Проклиная все и вся, он написал вежливый ответ, в котором подтверждал свое присутствие на заседании. Решив, что с этим покончено, он отвернулся от детины и намеревался проследовать в комнату, где располагалась его бухгалтерия, но тот, совершенно утрав всякую субординацию, постучал пальцами ему по плечу. Подпрыгнув от неожиданности, Павел Александрович обернулся, готовый поставить наглеца на место, но посланец княжны изобразил смущение кающегося в прегрешениях ничтожного человечка и, очевидно кривляясь, попросил у барина на чай.

– Иди-иди, голубчик, бог подаст, – пробормотал Шмидт.

Спустя несколько минут раздался звонок от Бердыша.

– Ты получил приглашение от Полонской? – задал вопрос Михаил Ильич в ответ на «алло» Шмидта.

– Да.

– Я тоже.

– Что будем делать?

– Не знаю, – честно признался Павел Александрович.

– Приезжай ко мне, обмозгуем, – предложил Бердыш после небольшой паузы.

* * *

После поездки в Сестрорецк настроение графини Мансуровой все следующие дни оставалось приподнятым. Заверения в любви ее избранника многократно увеличивались в своей значимости рядом с той секретной и опасной миссией, которая должна быть им исполнена на благо Российской империи. Ольга готовилась к откровенному разговору с матерью. Она миллион раз повторила про себя все, что собиралась сказать, она готовила ответы на все возражения и увещевания... Иногда ей казалось, что подходящий момент наступил, и она уже собиралась начать, но в комнату заходил кто-нибудь из прислуги, и разговор снова откладывался. Единственным человеком, которому она могла довериться, оставалась княжна Полонская, но, во-первых, та в последние дни была страшно занята и все время проводила в своем благотворительном фонде, а, во-вторых, воспоминания о неприятных приступах ревности не отпускали сердце молодой женщины.

Все это не мешало графине продолжать тренировки. Прицеливаясь в мишень, она представляла себе злобного японца, маленького и желтого, с косыми, как у зайца, глазами. В фехтовании ей не находилось достойного соперника, и она мысленно благодарила Анатолия за уроки.

---

²¹ «Победа любит заботу» (лат.)

Впрочем, размолвка с княжной Полонской длилась совсем не долго. Получив от нее конверт с приглашением на собрание попечительского совета благотворительного фонда, Ольга немедленно позвонила подруге по телефону. Выяснилось, что означенное собрание предполагало не только скучные разговоры о взносах и отчетах за израсходованные средства. Княжна планировала дать небольшой дружеский ужин для самых близких друзей и сподвижников. Конечно, место ее лучшей и самой близкой подруги по-прежнему принадлежало графине Мансуровой. Пощебетав еще немного, начинающие светские львицы условились встретиться ближе к вечеру. Обоим не терпелось поделиться самыми свежими новостями из жизни столичного города.

* * *

Увидеть установленное за его больничной палатой негласное наблюдение для ихитуаня Ю не представляло никакого труда. Подозрительные звуки за стеной, незнакомый человек в белом халате, представившийся врачом, но совершенно не интересовавшийся тем, как идет заживление наложенных хирургом Оксilenko швов, безошибочно предупредили Ю об опасности. Времени на затягивание раны, полученной от крюка труповоза Ичана Ли, у него не было. Сведения, переданные им ротмистру Сергееву о готовящемся маршлом Ояма наступлении, были точны. Через несколько дней все вокруг Ляояна превратится в крошечный ад от подтянутой японцами к передовым позициям русских современной артиллерии. Английские промышленники постарались на славу. Согласись ротмистр Сергеев выполнить ключевые условия их договоренности о сотрудничестве, не откладывая их в долгий ящик, ссылаясь на приоритет посещения Нагасаки и Киото, Ю поделился бы с ним своими наблюдениями насчет неприятного соседства в находящемся от его палаты справа помещении. Все время их разговора ихитуань прикасался к повязке, наложенной поверх швов, пытаясь понять, есть ли у него кровотечение. Повязка казалась влажной, но это, возможно, была протупающая сквозь вату сукровица. Кроме того, медсестра, делавшая перевязку, могла не пожалеть спиртового раствора, который не успел подсохнуть. Ю одинаково презирал боль и смерть. Вся его жизнь с первого дня рождения не несла ему ничего, кроме тягот и испытаний. Человеческая внешность, способность к членораздельной речи, которой лишены животные, ничего не значили в азиатской культуре. пытки, казни, бесправие носили обыденный характер. Но все это вовсе не означало, что ихитуань собирался смириться или продать свою жизнь за полущку.

Как только ротмистр вышел, Ю вытащил из-под одеяла руку и посмотрел на пальцы. С удовлетворением отметив розоватый, а не темно-красный цвет покрывавшей их влаги, он сел на больничной койке. Из одежды на нем оказалась только повязка, кое-как обернутая кем-то вокруг бедер, и бинты, опоясывавшие его туловище в том месте, где крюк Ичана Ли оставил две дырки. Умение входить в транс считалось одним из основных навыков, который боксеры-ихитуани оттачивали во время тренировок. Для потери чувствительности к болевым ощущениям и усталости Ю потребовалось чуть более трех минут.

Легко, почти бесшумно ихитуань спрыгнул на пол. Необычная форма его ступней указывала на многолетнюю подготовку их к использованию в качестве смертельного оружия. У пиратов, проводящих всю жизнь на раскачиваемой волнами бригантине, пальцы ног приобретают способность цепляться за палубные доски, у Ю же внешняя и внутренняя поверхность стопы обладала твердостью, сравнимой с металлом.

Прислонившись ухом к стене, вызывавшей его подозрения с самого утра, Ю задержал дыхание. Людей, находившихся в соседнем помещении, было не менее трех: три голоса лениво переругивались, выясняя, чья очередь идти менять дежурившего в коридоре шпики. Значит, на пути к спасению у него стоял лишь один человек. Правда, следовало еще и снять с него одежду

и надеть на себя. На переодевание в любом случае потребуется время, и придется использовать соседнюю комнату. словно тень выскользнув в коридор, Ю приступил к работе...

Все убитые им были маньчжурами или китайцами, внешне ему сложно было различить, к какому племени они принадлежали. Никаких документов, способных подсказать, на кого они работали и кому служили, у них не оказалось. Одежда одного из шпииков пришлась Ю почти впору. Он быстро переоделся, получше спрятал полученную от ротмистра Сергеева трубку-вездеход и спустился вниз. Он не собирался пользоваться пропуском для выхода с территории госпиталя и поэтому на несколько мгновений задержался, стараясь сориентироваться и понять, где стоят казаки и в какую сторону не следует идти. Две сестры милосердия, спешившие куда-то по своим делам, с удивлением посмотрели на него. Ю немедленно узнал обеих. Вчера они спасли его, а сегодня ему придется отобрать у них жизнь. Допустить, чтобы девушки подняли тревогу, он не мог. Расстояние между ними было не более шести метров, и Ю приготовился к прыжку. В последнее мгновение он встретился взглядом с одной из них. В глазах Марии Сергеевны он не увидел страха, но лишь сочувствие. Ю понял, что они не станут поднимать шума. Вежливо поклонившись, боксер исчез.

* * *

Все пространство у кабинета полковника Нечволдова напоминало пчелиный улей. Пришедший к начальнику разведки со срочным докладом ротмистр Сергеев, перекинувшись понимающим взглядом с флаг-офицером Белоусовым, получил категорический отказ в оказании протекции. Разрешения переговорить с полковником ожидали люди выше Игоря Викторовича по чину и по должности. Оставалось ждать. Большие напольные часы, словно нарочно медленно передвигая стрелки, усердно отбивали каждую четверть часа. Вспомнив разумную поговорку, что в ногах правды нет, ротмистр присел на один из стульев, стоявших вдоль стены. После двух бессонных ночей и утреннего визита в военный госпиталь он все-таки нашел время для сна и сейчас чувствовал себя бодрым и готовым к осуществлению намеченных им мероприятий. Оставалось только согласовать их целесообразность с полковником Нечволдовым, который, поощряя инициативу, вместе с этим отрицательно относился ко всякой самостоятельности.

Умение ждать необходимо всем рассчитывающим добиться успеха. Привычно закинув ногу на ногу и покачивая начищенным до блеска мыском сапога, ротмистр обдумывал наиболее оптимальный порядок доклада. Самым неприятным эпизодом должно было стать упоминание о невозможности Ю немедленно отправиться в Нагасаки. Вопрос о передаче в его распоряжение в качестве переводчика поручика Григорьева, уже согласованный с генералом Жилинским, не мог вызвать никаких возражений. Отрицать сомнения в точности переводов, даваемых китайцами из отряда Мадритова, никто бы не осмелился. Скольким местом могли стать подозрения в адрес Якова Пирсица. И, чтобы получить соответствующие полномочия, требовались нешуточные навыки в дипломатии. Так или иначе Сергеев только внешне находился в состоянии бесцельного ожидания. На самом деле мозг его интенсивно работал.

Очередь двигалась медленно и неравномерно. Некоторые, прождав несколько часов, задерживались у Нечволдова менее чем на полминуты. Иногда в кабинет, только что покинутый посетителем, подолгу никого не приглашали.

Обдумав все нюансы предстоящего доклада, ротмистр позволил себе на минуту отвлечься, и где-то далеко, словно за дымкой тумана, появилось лицо Марии Сергеевны. Ее убегающий и словно моливший о помощи взгляд, который он лишь раз поймал вчерашним вечером, теперь в его грезах был открыт ему, и ротмистр мог разговаривать с девушкой без слов. Он собирался сказать ей много романтических вещей и признаться, что все утро надеялся встретить ее в госпитале и извиниться за вчерашний конфуз.

Резко усилившийся гомон и металлический лязг кавалерийских шпор, сопровождавший прибытие какого-то важного лица, вернул его к действительности. Присутствовавшие подобрались и предпочли встать, предполагая, что лучше так встретить известие об отмене всяческих аудиенций на сегодняшний вечер. Словно в подтверждение всеобщей догадки на пороге появился флаг-офицер Белоусов и сообщил, что в связи с прибытием в штаб армии главнокомандующего все доклады переносятся на завтрашний день. Даже в отчаянии, охватившем ротмистра Сергеева, ему удалось подметить, что многие из ожидавших отнеслись к такому известию с нескрываемой радостью. Проходя вместе с остальными мимо Белоусова, он надеялся, что ему удастся убедить флаг-офицера доложить о себе полковнику Нечволдову. Поравнявшись с ним, он уже собрался заговорить, но Белоусов незаметно потянул ротмистра за рукав, шепнув следовать за вторым адъютантом, прикрепленным к начальнику разведки.

Совсем молодой подпоручик – на вид ему было едва больше двадцати – незаметным кивком подтвердил, что он готов сопровождать Игоря Викторовича. Спустившись на первый этаж, они свернули в сторону от выхода из здания и по коридору, заставленному всяким барахлом, дошли до ведущей наверх винтовой лестницы.

– Вы, ротмистр, простите нас за такие маневры, но сами понимаете, среди ожидавших было три полковника. В штабе и без того хватает интриг. Не каждый понимает, что длина сабли не имеет значения. Бряцанье оружием в кабинетах все больше входит в обиход, – жаловался молодой адъютант.

Идущий следом ротмистр предпочитал хранить молчание. Его собственные соображения на этот счет могли показаться еще более радикальными, однако высказывать их вслух казалось ему бестактным. В конце концов, их начальники прошли ни одну войну и победили ни в одном сражении.

Миновав еще одну загроможденную мебелью комнату, они подошли к незаметной двери. Адъютант тихонько постучал по дверному косяку. Дверь не открывали. Изнутри слышались приглушенные голоса. По повышенным интонациям можно было догадаться об остроте спора, разгоревшегося между присутствующими там военачальниками. Выждав, адъютант осмелился напомнить о себе еще раз. Дверь приоткрылась.

– Здесь ротмистр Сергеев, как вы и приказывали, господин генерал, – доложил адъютант и, получив в ответ распоряжение, которое Игорь Викторович не расслышал, повернулся к нему, жестом пригласив проследовать внутрь.

Такое количество генералов, собравшихся вместе, Сергеев наблюдал только однажды на параде, в котором ему посчастливилось участвовать еще до службы на Кавказе. Помимо главнокомандующего Маньчжурской армией генерал-лейтенанта Куропаткина, здесь, в тесном кабинете начальника разведки, находились командующий южной группировкой русских войск генерал-адъютант Зарубаев и командующий восточной группировкой, только совсем недавно отступившей от реки Ялу, барон фон Бильдерлинг. Еще несколько офицеров, незнакомых ротмистру, разместились по периметру кабинета.

Все присутствующие как по команде повернули к нему лица и теперь смотрели почти в упор, разглядывая ротмистра Сергеева с холодным любопытством. Шестое чувство безошибочно подсказало ему, что прибывшее начальство не устраивали переданные его агентами данные. Привыкший содержать свой внешний вид в безукоризненном состоянии, стоя навытяжку, Игорь Викторович решил держаться ровно и быть готовым к любым поворотам судьбы.

– Так вот кто вам, Александр Дмитриевич, приносит данные о малочисленности японских войск! – обращаясь к стоявшему в стороне полковнику Нечволдову и не пытаясь скрыть сарказма, бросил барон фон Бильдерлинг.

– Ротмистр Сергеев – один из моих лучших офицеров. Ни для кого не секрет, что кадровый состав управления разведки оставляет желать лучшего. Многие занимаются этим от склонности к азарту. Они составляют охотничьи команды и пробираются в тыл к японцам больше

для того, чтобы избавить себя от скуки и потешить самолюбие. Да, данные, предоставленные ротмистром Сергеевым, кардинально отличаются от тех, которые массово поставляются нам в штаб такими охотниками! Как я понимаю, вы, Алексей Николаевич, – сказал Нечволдов, обращаясь к генералу Куропаткину, а вовсе не к барону фон Бильдерлингу, – хотели услышать это лично от ротмистра.

– Что дает вам, ротмистр, основания утверждать, что армия генерала Куроки, находящаяся на нашем левом фланге, располагает недостаточным количеством личного состава для успешного наступления? – задал вопрос один из неизвестных Сергееву офицеров, который не обратил внимания на пояснения, данные полковником Нечволдовым.

– Все мои донесения основываются на данных моих агентов, – ответил Сергеев.

– Тогда каким образом все это соотносится с обозначенной *вами же* датой предполагаемого наступления японца? Они что, обезумели, если собираются атаковать наши позиции, не имея численного превосходства? – вторил штабному офицеру еще один из присутствующих начальников.

Поняв, что попал под перекрестный допрос, Сергеев, вместо дачи подробных объяснений, которые могли счесть за оправдания, счел правильным промолчать.

– Все наши агенты проходят постоянную проверку, их данные сверяются. Кроме того, мы требуем от них доказательств их присутствия в тех зонах, из которых они приносят нам добытые сведения. Безумны или нет планы маршала Оямы, ни они, ни мы судить не беремся. Нельзя исключать, что японцы после ряда успешных столкновений с нашими войсками поймали кураж и рассчитывают на нашу нерешительность и растерянность, – заговорил полковник Нечволдов вместо молчавшего ротмистра.

– Послушать вас, Александр Дмитриевич, так нам в пору самим переходить в наступление, – сказал генерал Куропаткин.

– Полковник, я продолжаю настаивать на немедленной контрольной встрече с теми, кто, по словам вашего подчиненного, принес сведения столь провокационного характера, – вступил в разговор генерал-адъютант Зарубаев.

– Мы используем этот метод, и все без исключения лазутчики и резиденты время от времени встречаются не только с их непосредственным куратором, – уперся Нечволдов, – у меня нет никаких сомнений в их лояльности!

– Вы, полковник, отрицаете сам факт существования двойных агентов? Не мне вам рассказывать о врожденном коварстве азиатов! – сказал первым начавший допрос ротмистра Сергеева штабист. По его уверенной манере держаться можно было сделать вывод о его близости к высшему руководству, возможно, даже в стане заместителя адмирала Алексева.

– Тех, кто потерял доверие, я приказал повесить, – буднично ответил полковник Нечволдов.

– Тогда вас, Александр Дмитриевич, ждет очень неприятный сюрприз, – заговорил молчавший до этого офицер из генеральской свиты, – по данным моих сотрудников, среди людей, всячески привечаемых ротмистром Сергеевым, есть бежавший от справедливого суда ихитуань, которого в отчетах обозначают буквой Ю.

– Что это меняет? – забыв о субординации и вспомнив Кавказ, вспылал ротмистр. Для него, как для человека дворянского происхождения, такое обращение было неприемлемым.

– У меня есть сведения, что ихитуань получает жалование в штабе генерала Куроки, а вы, Александр Дмитриевич, выдаете ему пропуск-вездеход, который дает право не только прохода, но и вообще нахождения на укрепленных позициях нашей армии, – продолжил офицер, обращаясь исключительно к генералу Куропаткину.

– Это выходит за всякие рамки! – воскликнул барон фон Бильдерлинг.

– Николай Александрович²², где сейчас находится этот субъект? – спросил генерал Куропаткин, обращаясь к взявшему на себя инициативу обвинений в адрес Игоря Викторовича офицеру.

– До последнего часа он находился в военном госпитале, где главным врачом служит подполковник Оксilenко. Три дня назад я поручил своим людям следить за ним. Этот ихитуань имел неосторожность вступить в стычку с моим человеком и получил ранение. Стараниями присутствующего здесь ротмистра он оказался в отдельной палате забитого под завязку медицинского учреждения, – доложил тот, кого Куропаткин назвал Николаем Александровичем.

– Что значит до последнего часа? – предчувствуя недоброе, спросил полковник Нечволдов.

– А то и значит, что, почувствовав выставленное за ним наблюдение, пригретый ротмистром шпион-лазутчик исчез! – выкладывая на стол козырного туза, расплылся в победной улыбке офицер.

Теперь Сергеев, наконец, понял, с кем имеет дело. Все его подозрения относительно Якова Пирсица подтвердились без всякого расследования. Никому, по крайней мере, до сегодняшнего дня, информация, собираемая и передаваемая им в штаб главнокомандующего, не вредила так, как метившему на должность начальника транспорта и разведки полковнику Ухач-Огоровичу. Да, этот представительный мужчина, державшийся во время моральной экзекуции, проводимой над ротмистром Сергеевым, с таким апломбом, был не кто иной, как уже ставший притчей во языцех из-за загулов с женщинами легкого поведения, вынырнувший из захолустного забвения полковник Ухач-Огорович.

Приняв к сведению, что ихитуаню в очередной раз удалось скрыться, ротмистр собирался доложить, что не далее как вчерашней ночью он не только занимался переброской агентов, но и встречал шпионов, возвращавшихся с другой стороны. Все сведения были абсолютно свежими и подтверждали добытые ранее. Он несколько раз пытался начать говорить, но старшие по званию спешили высказаться по поводу услышанного. Так продолжалось несколько минут. Наконец, генерал Куропаткин сделал знак остановиться:

– Александр Дмитриевич, несмотря на то что не присутствующий здесь сегодня вечером Владимир Иванович²³ высказывается о вас как о дельном разведчике, лично я начинаю в этом сомневаться. Вам не хватает энергичности и широты взглядов, которые, напротив, я нахожу в достатке у Николая Александровича. Пока вы временно остаетесь при своей должности. – и добавил:

– Ротмистра, допустившего проникновение шпиона в наше расположение, я приказываю взять под стражу!

– Если обвинение подтвердится, вас, ротмистр, ждет военный трибунал! – не удержался барон фон Бильдерлинг.

Конвой, сопровождавший генерала Куропаткина, взял ротмистра Сергеева под стражу. Тем же потайным ходом его вывели из кабинета начальника разведки: аресты среди боевых офицеров, участвовавшие в последние дни, ухудшали моральное состояние войск и не подлежали огласке.

---

²² Н. А. Ухач-Огорович.

²³ Генерал-квартирмейстер В. И. Харкевич, по должности занимавшийся всей разведдеятельностью Маньчжурской армии с апреля 1904 года до ее преобразования в 1-ю Маньчжурскую, где занимал ту же должность. Начальником транспорта и разведки вновь сформированной армии был назначен Н. А. Ухач-Огорович.

* * *

Низкие, наполненные готовой низвергнуться водой дождевые тучи полностью закрывали ночное небо. Ю, к этому времени уже покинувшему город Ляоянь, приходилось передвигаться в крошечной темноте. Остановиться, дожидаясь, пока развиднеется, он себе позволить не мог. Дождь уже начался, и те тропинки, на которых и при хорошей погоде можно было легко поломать ноги, стали скользкими и вдвойне опасными. Тем не менее ихитуань продвигался вперед к своей цели достаточно быстро, чтобы не дать тем, у кого найдется желание пуститься за ним в погоню, ни одного шанса его настичь. Он знал, что на другой линии фронта его ждут с важными сведениями о состоянии русского войска. Ю служил японцам по необходимости. Без контактов в японской армии ему не удалось бы собрать те сведения, за которые его так ценил ротмистр Сергеев.

Разница в его отношении к воюющим сторонам заключалась в том, что японцы ничего не знали об истинных мотивах Ю, соглашавшегося день за днем подвергать свою жизнь смертельной опасности. Для них он оставался одним из сотен агентов, шпионивших за русскими. После набегов «краснобородых»²⁴, нацепивших на себя верноподданническую личину служения «белому царю», желающих помогать японцам становилось все больше и больше. Самого Ю такое положение вполне устраивало. Общаясь с офицерами японского шпионского ведомства, он получал множество косвенных материалов, способных пролить свет на истинные планы японского командования. Человеческие симпатии и антипатии стоят далеко не на последнем месте даже там, где любые принципы порядочности готовы быть принесены в жертву. Сердце ихитуаня было больше расположено к ротмистру Сергееву, чем к его омологу Арату Мацуи. Не склонный к рефлексиям ихитуань редко задумывался над этим парадоксом. Сегодняшней ночью он бежал к старшему штаб-офицеру армии генерала Куроки, спасаясь от сидения на гауптвахте у русских. В то, что его могут казнить, ихитуань Ю не верил с тех пор, как однажды провисел повешенный за шею на веревке почти весь день. Ихитуани утверждали, что ружейные пули и ядра артиллерии над ними бессильны. За время их восстания у большинства несчастных была возможность на личном опыте убедиться, что это не так. Тем не менее вера помогала Ю оставаться бесстрашным, и он не спешил пересматривать свои взгляды. Целью его было с помощью русских или без отомстить тому, кто, воспользовавшись боксерами для своего возвышения перед вдовствующей императрицей Цыси, расправился с ними с невиданной доселе жестокостью.

Утро застало ихитуаня недалеко от небольшого маньчжурского поселения, которое находилось на территории, не контролируемой ни русскими, ни японцами. Уходя из Ляояня, Ю сознательно прошел между противоборствующими сторонами таким путем, рассчитывая найти убежище в фанзе²⁵ какой-нибудь одинокой женщины, что всегда могла оказать приют страннику приятной наружности и не скупящемуся на подарки. Явиться к штаб-офицеру Мацуи только с рассказами, без планов расстановки казачьих корпусов Сибирской армии было невыгодно: японцы платили щедро, и позаниматься черчением для такого случая было совсем не сложно.

Задержавшись в удобном для незаметного наблюдения за поселением месте, Ю, лежа на животе, долго присматривался. Подходящая фанза была третьей по счету. Самым сложным было оказаться внутри не замеченным никем и, в первую очередь, собаками, способными учуять чужака и поднять страшный лай. Начавшая гноиться рана издавала неприятный запах. Отключив ощущение боли, Ю продолжал в полной мере пользоваться всеми органами

²⁴ Имеются в виду хунхузы.

²⁵ Фа2нза – китайский дом с двускатной крышей преимущественно в сельской местности. – *Прим. ред.*

чувств. Он прекрасно понимал, насколько легко нюх сторожевых псов распознает в нем раненое животное. Перевернувшись на спину, он потрогал пальцами живот. Поднеся ладони к лицу, он некоторое время разглядывал покрывавшую их желто-зеленую слизь. Размотав остатки бинтов, боксер попробовал почистить раны, выдавливая из них накопившийся гной. Больше всего он сейчас сокрушался об оставленном в заплочном мешке холодном оружии. Заточенный им самим до остроты бритвы финский нож мог бы ему сейчас сослужить добрую службу.

Как смог, он очистил раны и затолкал внутрь несколько листьев, которые показались ему подходящими. Теперь можно было попробовать пробраться к выбранной фанзе с подветренной стороны. На счастье ихитуаня, затихший было дождь пошел снова, и по его косым струям можно было легко определить направление ветра.

Скорректировав свое положение на треть круга, он начал движение. Со стороны могло показаться, что Ю ползет на животе, но это было не так. Он использовал особую технику передвижения, касаясь земли только ладонями и носками. Все его тело ни с чем не соприкасалось, не оставляло следов и не затормаживало скорость передвижения. Если бы кто-то и бежал рядом с ним, как бегают обычные люди, ему пришлось бы потрудиться, чтобы не отстать от ихитуаня.

* * *

Может показаться, что передвижения Анатолия Анатольевича, превратившегося сначала в Анатолия Николаевича Богачева, а затем в корреспондента французской газеты «Пти Паризьен» Антуана Моро, займут слишком много времени. С целью развеять такие сомнения позволительно будет напомнить, что в ресторанах не только Санкт-Петербурга, но и Москвы, которой в те времена было далеко до столичного шика, подавались привезенные с берегов Атлантики лобстеры, лангусты и устрицы. Последние моллюски, как известно, особенно опасны в несвежем состоянии. Добавьте к этому отсутствие современных рефрижераторов, и станет ясно, как безупречно функционировали железные дороги Европы и Российской империи.

Все время, проведенное в дороге, Антуан Моро занимался, зубря имена и фамилии всех, кто так или иначе мог влиять на расстановку сил в политических играх великих держав. Имея при себе необходимые рекомендательные письма, адресованные в штаб наместника, вице-короля Маньчжурии адмирала Алексева, «французский журналист» мог рассчитывать на доступ в круг лиц, хорошо знакомых с тайнами мировой дипломатии. Быть интересным собеседником, к месту демонстрируя осведомленность или просто намекая на нее, было очень важно для получения тех сведений, за которыми он был послан. Главная рекомендация, адресованная полковнику Мадритову и подписанная Безобразовым, была зашифрована довольно сложным кодом. Попади это послание в руки постороннего – несведущий человек вряд ли придал бы значение его внешне скучному содержанию. Тем не менее Антуан Моро хранил зашифрованное послание за защитой мелкими стежками подкладкой дорожной куртки.

Уязвленное княжной Полонской мужское самолюбие и угрызения совести перед ничем не подозревающей графиней Мансуровой могли серьезно поколебать его уверенность в возможности достижения результата в столь необычном деле, какое поручил ему Безобразов. Добыть сведения, позволяющие сменить руководство армии, которая героически, если судить по газетным заголовкам, отражала нападение коварного японца, не всякому под силу. В том, что оценка его успехов в любом случае будет иметь субъективный характер, у Моро не было никаких сомнений. Монетка, подброшенная его судьбой вверх, могла упасть любой из сторон. Начни армия побеждать от сражения к сражению, приближаясь к брошенным лесозаготовкам на реке Ялу, по которой, собственно, и проходила граница Кореи и Китая, и все перспективы получения концессий на разработку месторождений золота и никеля на Корейском полуострове, обещанные статс-секретарем Безобразовым царю, оборачиваются не сказкой, а

былью. Казалось бы, все отлично, но что тогда делать с неизбежным возвышением генерала Куропаткина, одного из лидеров лагеря, ненавидевшего Александра Михайловича? Задача, поставленная Безобразовым перед своим конфиденнтом, заключалась в добыче свидетельств неспособности бывшего военного министра Российской империи руководить войсками. Значит, Безобразов и не надеялся на успех русского оружия в обозримом будущем. Но тогда, в случае череды поражений от японцев, придется попрощаться со всеми коммерческими перспективами освоения теплых морей и богатств, зарытых в землях Кореи и Китая. Не значит ли это неминуемую опалу, потерю влияния для человека, ради милости и покровительства которого Антуан Моро ставил сейчас на карту собственную жизнь? А Ольга? Он, еще несколько дней назад клявшийся графине в любви, безошибочно чувствовал первые признаки собственного охлаждения. После нелепого инцидента с княжной Полонской, из-за которого ему пришлось утешаться с Франческой, молодой человек и вовсе запутался в своих предпочтениях. Только отчаянная зубрежка имен, дат и родственных связей незнакомых ему людей спасали Антуана Моро от приступов отчаяния. Он все острее начинал понимать, насколько опрометчиво поступил, согласившись на опасную авантюру.

Призывая в союзники спортивную злость, Антуан Моро следовал в Ляоянь.

* * *

Все приготовления к небольшому, но такому важному собранию попечительского совета благотворительного фонда княжны Полонской были закончены в срок. Зал двухэтажного особняка украсили небольшими букетами цветов. Несколько девушек, помогавших княжне, занимались наведением окончательного блеска. Их беготня вносила в общую атмосферу суету и беспорядок, придававший происходящему милый шарм.

Оба коммерсанта, Шмидт и Бердыш, загодя приехавшие на собрание по личному приглашению княжны, были несколько обескуражены сообщением лакея о том, что она отсутствует. Более прагматичный и не питавший надежд даже на самую невинную любовную авантюру с девушками, живущими не за счет собственного тела, Михаил Ильич Бердыш хотел было воспользоваться случившейся заминкой. Прекрасно понимая свою роль приманки в предстоящем собрании, он вручил лакею визитку и заявил, что «если княжны Полонской сейчас нет, то они с другом непременно нанесут следующий визит в более подходящее время». Им обоим, пожалуй, удалось бы ускользнуть, не заглядысь более молодой и харизматичный Шмидт на пробежавшую мимо них мадемуазель, успевшую на ходу соорудить ему глазки. Когда он потянулся за портмоне, чтобы вытянуть оттуда визитную карточку, собираясь так же, как и Бердыш, оставить ее у лакея в качестве свидетельства своего появления в особняке, незнакомый женский голос окликнул их с лестницы, ведущей на второй этаж. Молодая особа с копной волос цвета перестоявшей под солнцем пшеницы, собранных в высокую прическу с той небрежностью, которая стоит часов работы опытного парикмахера, была одета в кавалерийскую форму, принятую тогда в соревнованиях по конкуру. Короткий пиджак, застегнутый на две пуговицы, едва прикрывал пояс белых обтягивающих брюк, заправленных в темно-коричневые сапоги. Ни восхищенный Шмидт, ни скептически настроенный Бердыш не могли оторвать взгляда от ее фигуры и смотрели на красавицу, не моргая, пока та, легко ступая по лестничным ступенькам, спускалась на первый этаж.

– Господа, – обратилась она к ним, протянув правую руку, затянутую в перчатку, Михаилу Ильичу, – прошу меня извинить, я задержалась в манеже. Сегодня Абсент, так зовут моего верного спортивного друга, совсем не хотел меня слушаться. Поверьте мне, я ума не приложу, что могло с ним случиться. И вот я чуть не подвела мою лучшую подругу княжну Полонскую, поручившую мне вас встретить. Она была срочно вызвана к одной высокопоставленной особе и обещала непременно приехать, но, сами знаете, в таких случаях что-то загадывать бесполезно.

– Да-да, что вы! Конечно! Мы даже и не думали уходить и готовы ожидать княжну столько, сколько понадобится, – заблеял Михаил Ильич. Он почему-то решил, что спустившийся с небес ангел, подав ему первому ладошку для дружелюбного прикосновения, тем самым выразил и свое предпочтение ему как человеку, очевидно, более солидному, чем Шмидт.

– Как уточнила княжна, вы, Павел Александрович, и вы, Михаил Ильич, сооблаговолили сделать нашему фонду значительное пожертвование, и мы все надеемся на ваше дальнейшее участие! – продолжила светловолосая амазонка. Обычно острый на язык Шмидт никак не мог вступить в разговор. Все его внимание было обращено на левую руку девушки, в которой та держала шлем для верховой езды и стек-указку. – Я подруга княжны, графиня Мансурова. Вы можете обращаться ко мне по имени, Ольга, – сказала девушка, внеся в мысли обоих еще больше сумбура.

– Вы всегда можете рассчитывать на нас, – нашелся наконец Шмидт.

– Я была этом уверена. Княжна мне много рассказала о вас, и мы обе ни секунды не сомневались, что в вашем лице наш фонд приобрел надежных и щедрых партнеров! – улыбнулась молодая графиня. В душе она немного злилась на свою подругу, в последний момент попросившую ее встретить двух скучнейших коммерсантов, весь интерес к которым ограничивался лишь звонкой монетой, оттягивающей их карманы.

Объяснения по поводу непредвиденных обстоятельств, данные княжной по телефону, сразу показались графине неубедительными. Только роль лучшей подруги, вновь обретенная каждой из девушек после короткой размолвки, принудила ее прервать занятия с Абсентом и, сдав того конюху, помчаться на собрание попечительского совета, едва успев отстегнуть шпоры.

К ним подошли еще несколько дам и господ. Все они без исключения состояли в попечительском совете и были знакомы между собой. По возрасту почти все были ровесниками Шмидта, и лишь одна дама выглядела заметно старше. Коммерсанты из осторожности предпочли оказывать ей знаки внимания, как если бы она вдруг оказалась значительной персоной. Михаилу Ильичу Бердышу это стоило больших усилий. Ему пришлось предложить ей руку, пока они все вместе поднимались по лестнице. Они оказались сидящими рядом за большим круглым столом, стоявшим в отдельном кабинете, видимо, специально выбранном для проведения подобных собраний. К этому моменту Бердыш уже знал, что завладевшая им дама есть не кто иная, как баронесса фон Крюге. Как человек, входящий в финансовые круги столицы, Михаил Ильич знал всех, чьи дела оставляли желать лучшего или кто приближался к неминуемому банкротству. Вдова барона фон Крюге, урожденная Вероника Львовна Савельева, овдовевшая около двух лет назад, входила в их число. Однако Михаил Ильич теперь находился в приподнятом состоянии духа. Личное знакомство с дочерью графа Мансурова открывало перед ним определенные перспективы. Краем глаза он с завистью смотрел на своего более молодого и приятного для женского взора товарища. Шмидт, вернувший свою заносчивость и самоуверенность в общении с теми, кто финансово мог зависеть от него, никому не уступал места рядом с графиней, пока все рассаживались по своим местам. Только здесь, за столом для заседаний попечительского совета, ему пришлось расстаться с ней и сесть на несколько кресел дальше. Ехидно улыбнувшись про себя, Бердыш, сохраняя серьезный и сосредоточенный вид, принялся расспрашивать баронессу фон Крюге о текущих задачах фонда, не забывая отмечать, с какой интонацией она описывает участие того или иного из присутствующих в общих делах. В целом, картина стала ему ясна довольно быстро: получение необходимых протекций в вопросах бесконечной волокиты бюрократических согласований от князя Полонского и графа Мансурова было основным стимулом для внесения существенных пожертвований на добрые дела фонда. Сама баронесса фон Крюге занималась распределением получаемых средств между приютами и сиротскими домами, двое молодых людей, сидевших от нее по

правую руку, помогали Веронике Львовне в тех делах, на которые у нее не оставалось сил. Так они перешептывались еще несколько минут. Общая неловкость от отсутствия княжны Полонской заставляла всех говорить вполголоса. Прошло не менее получаса, а княжна все не появлялась. Графиня Мансурова подумывала о том, чтобы отложить обсуждение насущных вопросов до более подходящего случая. Только запланированный ими с княжной маленький ужин для самых щедрых жертвователей, в числе которых, по мнению княжны Полонской, непременно должны были оказаться Шмидт и Бердыш, удерживал ее от этого.

Княжна задержалась ровно на час. Легко и грациозно войдя в зал, она немедленно завладела вниманием присутствующих мужчин. Все девушки, смиренно сидевшие в ожидании ее появления за столом, приписали оживление, охватившее мужскую половину, скорее, социальному статусу княжны, нежели ее внешности, и несколько не огорчились, но только не графиня. Новый укол ревности застал Ольгу врасплох, и ей стоило некоторого труда сохранить на лице приветливое выражение.

Вместе с председательствовавшей на собрании княжной и двумя новоиспеченными членами попечительского совета Шмидтом и Бердышом за круглым столом разместились ровно двенадцать персон. Оказавшийся почти напротив обеих красавиц Павел Александрович Шмидт время от времени незаметно пощипывал себя за левое запястье, стараясь убедиться, что все происходящее не сон и его миллионы позволили ему прикоснуться к высшим сферам. После их первой встречи с княжной, когда та, мимоходом сообразив одобрит приобретение особняка под здание ее благотворительного фонда, уделила ему и Бердышу не более пяти минут, он чувствовал себя обманутым в своих ожиданиях. Поэтому и сегодня, и накануне его назойливо посещали нехорошие мысли. Именно по этой причине даже заметное число молодых особ, весело и бестолково снующих по лестнице и в холле, не смогло изменить его намерения последовать примеру товарища и сбежать отсюда как можно быстрее. Все изменило появление очаровательной графини Мансуровой. Теперь он был на седьмом небе. Слегка откинувшись на неудобном стуле, спинка которого в некоторых местах неприятно давила на лопатки, Павел Александрович внимательно слушал княжну. Прекрасно понимая, что у дам нет прямого ценника, он пробовал прикинуть, во сколько может обойтись длительная осада. Со стороны могло показаться, будто Шмидт делает пометки в записной книжке. Особы, не искушенные в коммерции, смотрели на него с восхищением, приписывая ему собранность, целеустремленность и желание во всем разобраться самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.